

10-го Октября 1929 г.

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 2-ой

45

10-го жовтня 1929 р.

П Р А Г А

РІК ВИДАННЯ 2-ий

М. Билинський

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. *Константин Поляков*: * * * Стихи.
2. *Валентин Конопацкий*: * * * Стихи.
3. *Е. Ем-нов*: Побег.
4. *С. Савицкий*: * * * Стихи.
5. *Любовь Самсонова*: * * * Стихи.
6. *В. Елисеев*: Доля.
7. *Я. Лопух*: Родина.
8. *Петр Крюков*: Дон.

9. Лондон-Москва.
10. *Инж. В. Бейсуг*: О фашизме.
11. *П. И. Кокунько*: Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.
12. *Инж. М. Черныш*: Пути казачьей интеллигенции в эмиграции.
14. *А. А. Гейман*: В Америку!
15. Перу.
16. Старый казак (*П. А.*): Красная Москва.
17. Думы и мысли.
18. Международная жизнь.
19. Казачья эмиграция.
20. В Казачьих Землях.
21. Библиография.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Царгород. — У. Громада. Сотн. Э. — Сердешно дякуємо.

Братислава. — И. Б. — Получено. Пойдет. Привет.

Болгария. — А. Ш. — Получено. Спасибо.

Югославия. — А. П. Получено. Ответ будет. Привет.

Польша. — К. Б. — Ваша просьба исполнена: Париж. — Г. Б. — Получено. Привет.

Югославия. — И. Ф. — Ваша просьба исполнена. За доброе слово — спасибо. Привет всем казакам.

Франция. — В. П. — Получено. Привет.

Польша. — В. Е. — Получено. Спасибо. Привет.

Югославия. — Г. А. — Получено. Привет.

Варшава. — А. М. — Получено. Спасибо. Привет.

Румыния. — В. Е. — Получено. Ответ будет. Привет.

Франция. — Я. Е. — Все будет хорошо. Привет.

Болгария. — К. С. — В августе и сентябре журнал „В. К.“ выходил (как в прошлом году) один раз в месяц, двойным номером. Впредь будет выходить, как и раньше, регулярно два раза в месяц.

Франция. — Н. А. — Мы посылаем журнал и тем казакам, кто платить еще не может. Но хотели бы, чтобы те, кто платить может, платили бы. Это не так много. А то выходит, что там, дома, платят всем — и жизнью и имуществом, а мы здесь не хотим отложить 40 франков за год на работу на освобождение своей же Родины из под красного ярма. Нельзя все время рассчитывать на чужое.

Югославия. — А. Г. — Получено. Привет.

Земун. — П. К. — Получено все. Привет.

София. — Т. Л. — Получено. Привет.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**

В РУМЫНИИ

В. П. Елисеев.

M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23.

В БОЛГАРИИ:

Н. В. Аниканов.

С. Княжево-Софийско, бульв. Царь Борис, 85.

Т. Л. Лях.

София, ул. Хаджи-Димитров, 3.

В ЮГОСЛАВИИ

Б. А. Кундрюцков. Београд, Драгачевска, 15

F. G. Polkovnikov. Zagreb, Kuniščak, „Ruski dom“, soba br. 9.

В О ФРАНЦИИ.

С. М. Макеев. (M-eur S. Makeeff).

Le Grillon, Cagnes s/m, France.

Е. М. Якименко: M-eur Yakimenko, 71, rue Vallier, Levallois Perret (près Paris).

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff),

21, rue Godefroid Devreese, Bruxelles.

— LES COSAQUES LIBRES

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Редактор И. А. Бильи.

Редакция и контора: Praha-Vinohrady, Orlická, 8. Tchécoslovaquie.

№ 45

Прага, четверг 10-го октября 1929 г.

№ 45

Константин Поляков.
(Прага).

* * *

В Черкасске Старом храм. На нем ржавеют
Тяжелых, памятных оков. [звенья
И режут взор они казачьим поколениям,
О многом говорят без слов.

О том, кто их пронес к высокой плахе,
О том, как шел он, не потушив взгляд...
И что ж, — наймит в алеющей рубахе, —
Над Волей надругался кат.

Казнен был он. Другие заступили.
Борцов за Волю — новый, стройный ряд...
Опять сожгли, опять плоты поплыли,
Над степью вороны царят.

И страшен крик их каркающий, грозный,
Когда клюют они у мертвецов глаза...
Скорей, живей! Пока еще не поздно,
Спаси, спасись! забывшийся казак.

А дальше что? Эх, ноют сердца раны,
На севере в холодных казематах,
В глаза смеялись нашим Атаманам,
Оковами к стене прижатым.

О, этот сказ, он без конца и края.
Он больше стал страницей наших дней...

Набат, над мертвыми отцами завывая,
На место их, на бой послал детей.

Валентин Конопацький.
(Польша).

* * *

Коли кохаєш Рідний Край,
То так і знай,
Що грім війни і сталі міць,
Пожежі бойових зарниць
Лиш волю Краєві дадуть
Та щастя й спокій принесуть.

Коли кохаєш Рідний Край,
То завше, завше пам'ятай;
Що вільна школа і трибуна
Повстане лиш з вогню Перуна,
Бо в хаті власній Пан живе,
В чужій — завжди рабом він є.

Коли кохаєш Рідний Край
То так і знай,
Що вільний той, хто шаблю має,
Міцний, хто силою змагає.
Слабкий все хилиться і гнеться —
Він до життя не надається.

Коли ж кохаєш Рідний Край,
То так і знай, —
Що тільки вільною Країна
Повстане міццю свого сина,
Тому дивись, де ворог твій,
Ладнай рушницю в бій страшний.

Е. Ем-нов. (Румыния).

Побег.

(Недавняя быль).

Семен Иванович Пятиизбянский отстал от своего эшелона... Да и не мудрено: шум, звон в ушах и голове, невероятная слабость всего тела... „Тиф — это, обязательно тиф“ — думал он.

Кое как, то товарным, то пассажирским поездами дотаскился он до Новороссийска... Добровольческая армия быстро катилась к нему и поспешно грузилась на пароходы.

Пытался было Семен Иванович навести справку о своем родном, донском казачьем полке, но никто и ни-

чего не сказал ему толком. В полубреду доплелся до пристани. Грузился какой-то добровольческий, „генеральский“ полк.

— Позвольте, господин поручик, — обратился он к офицеру, стоявшему у трапа, — и мне погрузиться с вами; я, как видите, отстал от своего эшелона, болен.

— А вы какой части будете? — участливо осведомился тот.

— Я — сотник Войска Донского.

— А... казак!.. Изменник! Убирайся вон, а не то

уложу на месте, — и даже револьвер выхватил из кобуры.

Взглянул на офицера Семен Иванович и непрошенные от горькой обиды слезы выступили у него на глазах. Повернулся и пошел прочь. Это был последний из отходивших пароходов.

Глядит Семен Иванович, пароход медленно отчаливает, отходит и порт опустел. На пристани, на молу, виднелись тысячи военных шинелей, тоже, как и Семен Иванович, брошенных, оставленных здесь казаков. Слышались проклятия и брань по адресу Деникина, бросившего их здесь на произвол судьбы...

Понуро опустив голову, побрел он в город. Куда, зачем и почему, он не отдавал себе и отчета даже. Приткнулся в первом попавшемся доме. Там тоже оказались казаки.

Большевики вошли в город. Ни по пристани, ни по молу ни в кого не стреляли, никого не тронули, но приказали всем разойтись, очистить пристань и мол.

Пронесся слух, что дня через два все должны явиться в комендатуру для регистрации. Пошел вместе с другими Пятиизбянский. Там о чем то спрашивали, что-то записывали и какой то комиссар, видя, что он болен, направил его со своим посыльным в ихний красный крест. Потом он очутился вместе со всеми в Екатеринодаре. Но тут уже их держали арестованными. Семен Иванович почувствовал здесь себя лучше. Болезнь оставяла его. Месяца через два, а то и больше всю ихнюю партию перевезли в Харьков и посадили в тюрьму.

Проходили недели и месяцы. Говорили, что ждут приезда из Москвы какой-то чрезвычайной комиссии для суда над ними. Часто среди ночи долетали в камеру душу раздражающие крики. Все испуганно вскакивали, бросались к окнам, жадно всматривались в ночную темень, но ничего не было видно. Вслед за криком следовало не то хлопанье дверьми, не то револьверный выстрел и крик замирал. Камера подавленно вздыхала, молча расходилась по своим местам и долго, долго не могла уснуть.

Наконец, долгожданный день суда настал. Погнали на суд не только ихнюю камеру, но еще несколько и других. Поместили их в большой пустой комнате. У дверей стража. Какой то „чин“ выкликнул его фамилию. Расступились, дали ему дорогу и он бодро вошел в огромный зал, подошел к столу, за которым сидел суд. Длинный стол был накрыт красным сукном.

Семен Иванович ясно слышал кем-то из судей брошенную фразу: „Это еще что за фрукт?“ После обычных вопросов председателя: „Имя, отчество, фамилия, чин, когда и кем произведен?“ Семен Иванович отвечал: „Семен Иванович Пятиизбянский, станицы таковой-то, сотник Войска Донского. Произведен за боевые отличия государем императором“. Председатель суда при слове „императором“ что-то чмыкнул себе под нос и, обратившись не то к секретарю, не то к прокурору, перед которым лежала толстая, черная книга, произнес: „взгляните-ка“. Тот еще раз переспросил Семена Иванова об его имени, отчестве и фамилии и стал рыться в книге.

Книгу эту подсудимые называли „книгою смерти“. Чье имя и фамилия оказывались в ней, то едва успеет секретарь произнести „есть“, как к такому „арестанту“ сей-час же подходили с ружьями на перевес два красноармейца и вводили его куда-то. Упорно говорили, что такой выводится в расход.

Обо всем этом Семен Иванович, конечно, знал. Как только произнесено было „взгляните-ка“, он замер, затаил дыхание, жадно стал следить за перелистыванием книги и выражением лица искавшего в ней его фамилию. Он чувствовал, как стучит его сердце и бесконечно долгим показалось ему это время. Наконец раздается: „Нет его“ и Семен Иванович так громко вздохнул, что даже судьи подняли головы, взглянули на него, а один даже улыбнулся и проговорил: „обрадовался“...

Присудили его к разжалованию в рядовые и трем годам принудительных работ при каком то полку. И решил Семен Иванович, тогда же решил бежать. Куда, для него безразлично было, Польша или Румыния.

Больше года он безропотно и усердно нес крест свой. Ему стали уже доверять. Надзор слабел. „Прими-

лся, дескать с долею своею“. В план побега своего он никого не посвящал. Боялся, что выдадут. Примеры такие были на глазах.

Было какое-то ихнее празднество. Все начальство поперешилось. Он сел в первый отходящий на запад поезд и был таков.

На утро на одной из станций он является к коменданту и заявляет, что или утерял или украли у него ночью документы и просит нельзя ли ему взамен утерянных получить новые. Комендант выдал ему и теперь уже Семен Иванович не Пятиизбянский, а под фамилией какого-то Криворотова едет дальше.

На следующее утро высадился недалеко от Днестра и стал осторожно высматривать, где бы ему с наступлением темноты поудобнее было переплыть на ту сторону. А пловец он был отличный, в силы свои он верил. „Сколько раз Дон переплывал, а Дон пошире Днестра“.

Было далеко за полдень, но солнце еще сильно припекало. Прячься то за камнями, то в кустах, Семен Иванович глядел с крутого берега на ту сторону, на чужую землю. Внизу мчал свое серебро быстрый Днестр. Кое-где виднелись привязанные у того берега водяные мельницы. Повыше, на полях, желтели полосы еще не срезанной кукурузы. Вон-вон, вдаль, высится купол с крестом на нем какой-то церкви. Думал, соображал, прикидывал временами пугливо озирался по сторонам. Мысли его мало по малу перенесли на далекий Дон. в родную станицу и Семен Иванович незаметно задремал...

— Ты чего здесь? Семен Иванович вскочил. Вздрыгнул. Перед ним — два пограничника с винтовками. Стали обыскивать.

Если „белогвардейцы“ научились прятать и зашивать в одежду нужные бумаги, то красноармейцы умеют еще лучше их находить. Нашли... Читают...

— А... так вот кто ты такой! Не нравится тебе наша власть?.. бежать задумал... Идем на пост! Ведут. Теперь уже неминуемый расстрел и Семен Иванович сразу потускнел, опустился. „Погнать придется“ — со вздохом думает он. Идут высоким берегом Днестра. На нем то и дело попадают глубокие, крутые овраги, которые почти ежеминутно приходится осторожно переходить. Переходят один овраг, другой. Один из пограничников идет сзади, другой впереди Семена Иванова. Надзор поослабел того и гляди, как-бы самому не спотыкнуться и не полететь кубарем в овраг.

Вдруг что-то осенило Семена Иванова. Глаза его блеснули. Он быстро покосился налево, направо. „Была не была“ и насторожился. Видит, овраг глубокий, крутой, на дне масса больших камней. Момент: он быстро обернулся — хватить заднего солдата и бросает на переднего и оба солдата стремглав летят в овраг, на дно, на камни. А Семена Иванова и след простыл. Впрочем слышал он, что какой-то из солдат выстрелил раз, другой, но затем умолк, поди успокоился навсегда.

До ночи прятался Семен Иванович по кустам, по глубоким оврагам, опасался погони с собаками, пугался собственного шороху. Но погони не было.

Наконец то настала ночь. Небо в тучах, вокруг темень, сентябрьская темень. Крадучись, подошел он к реке быстро разделся, связал в узелок свои вещи, привязал к себе перекрестился и — „бульк“ в воду...

„Бррр... холодно“. Поплыл... Оглянулся назад — берег далеко уже. Рад, смеется, что оставил ту ужасную землю. Плывет и „саженками“, и „по лягушечья“ и на спинку ложится. Жадно всматривается вперед, но до берега далеко еще. Стал ослабевать. Тяжело ему что-то. „Не от вещей ли, подумал, намокли они и тянут книзу“. Отвязал и бросил. Легче стало, но, до берега все еще далеко. Плыл... плыл... Опять стал слабеть. Напрягается, но чувствует, что силы вот-вот оставяет его. Тяжело ему. Семен Иванович задыхается, еле-еле перебирает руками, слабо отталкиваются в воде его ноги. „Что это — со мною? Боже... неужели здесь и будет могила моя?“ Плыть дальше, даже держаться на воде он уже не может, не в силах, чувствует как его тело медленно начинает погружаться в бездну... Еще немного и голова скроется в ней... Но вдруг, он ощущает ногами что-то твердое, изо всей силы он

отталкивается вверх, раз, другой взмахивает руками вперед и хватается за какой то канат... Переводит дух, дико озирается кругом, вглядывается вперед и радостно вздыхает: перёд ним — старенькая, крестьянская водяная мельница, а он держится руками за канат, которым укрепляется она на воде. Влез он на мельницу и, отбивая зубами дробь от холода, кричит что есть мочи: — Мельник!.. мельник!..

Ни звука в ответ. Обходит, осматривает, ощупывает все углы — никого и ничего. Из за тучи глянула на него луна и тотчас-же спряталась, словно стыдись вида голого человека в такой неурочный час. Где-то далеко, далеко прокричали петухи, послышался лай собак. „А, стало быть, деревня — подумал Семен Иванович и направился туда.

Версты две по пыльному проселку прошел он быстро. Лай собак все ближе и ближе. Вот уже и темные силуэты хат. Вот и первая хата. Деревенские псы при виде чужого человека, да еще в таком необычайном виде, чуть ли не со всего поселка увязались за ним и неистово на все голоса заливаются, а какой похрабрее да полютее из них, нет, нет да и норовит ухватить Семена Ивановича за голую икру.

Стучится в окно: „православные, пустите в избу, я — с того берега.“

Медленно открылась занавеска, к оконному стеклу прильнула заспанная физиономия какой-то бабы. Взглянула и отпрыгнула в ужасе, бормоча „Свят, свят, свят! С нами крестная сила!“ И занавеска быстро задернулась обратно. И только почти в десятой хате какой-то старик сжалился над ним и впустил к себе.

Дал он Семену Ивановичу свою старую рубаху и штаны наготу прикрыть. Дал и краюху хлеба. Семен Иванович подкрепился и заснул. Спал сном праведника. Было уже далеко за полдень, когда он проснулся.

— Вот что человек ты Божий, — обратился к нему старик, — кто ты и что сделал там у них, не мое дело... Бог тебе судья. Ты или уходи, как стемнеет или обьявись властям здешним, а то, неровен час, дознаются и будет плохо и тебе и мне.

— Я об этом только и думаю, укажи мне где власти здешние.

Румыны после расследования, направили его в один из концентрационных лагерей, где „сидели“ эмигранты. Среди них оказалось и много донцов, знакомых Семену Ивановичу...

С. Савицкий. (Бразилія).

* * *

Як ми над Кубанью стояли, —
Ти певно забула той час, —
Вечірні зіроньки сяли
І місяць дивився на нас.
Весна ворожбу розливала,
Дрімали квіточки лісні.
Одна лише пісня лунала, —
Ти пісню співала мені.
— Дивися на місяць, — сказала:
— Дай слово, козаче, мені...
... Гірка мене доля спіткала:
На місяць дивлюсь в чужині.

Любовь Самсонова. (Прага).

* * *

Плачет дождик, плачут окна,
Плачет серая печаль...
Все проходит, все уходит —
И ушедшего не жаль.
Дай мне тепленькую лапку,
Положи ко мне на грудь...
Поцелуй, прижмись сильнее, —
О прошедшем позабудь!
Вот увидишь: завтра утром
Снова солнце улыбнется,
И твоя печаль, как льдинка,
Зазвенит — и разобьется...

В. Елисеев. (Румыния).

Доля.

(Из казачьей Голгофы).

Не всегда же работа да работа. Не всегда же шахты, фабрики и заводы. Не всегда же вставать в 4¹/₂, ложиться в 11¹/₂, чтобы сразу засыпать, как убитому и без всяких будильников (по привычке) просыпаться точно, минута в минуту, ровно в 4 и, проснувшись, слышать душураздирающий гудок шахты. Не всегда же в холодную утреннюю зорю поспешно оставлять хотя немного отогревшуюся постель и заворачивать еще неотдохнувшее от дневной усталости, разбитое тело в вечно холодное и всегда мокрое рабочее отрепье. Не всегда же стремглав летать по безлюдным улицам крепко спавшего города и встречаться только с заспанными городовыми, да пьяными ватагами, шумно и весело возвращающимися с ночных кутежей. Не всегда же ровно в 5 серого, а то и темного утра оглашать всегда темное подземелье шахты тяжелым и гулким ударом увесистой кирки и, мастерски откалывая в гробовой тишине черные пласты звенящего антрацита, думать и думать... Не всегда же тебе будет капать за шеею, а ты будешь судорожно вздрагивать. Насточертеют и праздники с их двойной оплатой труда. Не всегда же этот постоянный „насущенный кусок хлеба“. Не всегда же...

И вот, взгрустнулось ли Антону, заленился ли он, или, просто, „махнув на все на свете“, — но он не встал сегодня в свой всегдашний час, 4¹/₂. Слышал он,

как раздиралась так надоевшая ему шахта, сзывая в свой темный гроб „черных богатырей“. — Зовет, — пробормотал Антон, просыпаясь. — Ну, тебя, к черту, — и, ненавистно покосившись на обуглившийся мокрый рабочий костюм, сладко предался могущественному Морфию...

— Вот это я отвалюсь сегодня, — улыбнулся Антон, глядя на часовую стрелку, свернувшую с 10. Побуржуйски, одним словом. Ну, что ж? Значит, празднуем, — и, вытащив из-под кровати самоделковый сундук, начал облачаться в „праздничную шкурку“ — штатский костюм, хотя итти-то, собственно говоря, было некуда. Казаки все на работе, а других знакомств Антон не имеет. Имеет, правда, да все они „шапочные“. Знаком да и только. А поговорить „по душам“, „отвести душу“ и не с кем. Кроме своих казаков — все чужие. Нет теплоты в сердце Антона и от разговоров с русскими. Знает он, что им нужно всегда поддакивать, а как только резанул правду-матку, так им и „против шерсти“, так они сейчас же и на дыбы. — Ах, ты такой-сякой, казачина-самостийник... Ну, чтобы не договориться „до сочки, до бабочки“, Антон и предпочитает не иметь с ними „никакой легатуры“... И не только в „политике“, а и вообще. — Чужие они нам, — говорит Антон...

Долго возился Антон, стоя перед зеркалом, с гал-

стухом, с этой приказчицей выдумкой“ и, наконец, осилив все штатские трудности, вышел на улицу.

— Гуляем, — и, покосившись на зеркальную витрину, Антон пощупал шляпу — не задом ли наперед она, что с ней случается нередко. — Живут же добрые люди и без шахт (Антон привык все рассматривать, так сказать, с шахтной точки зрения), — думает он, жадно разглядывая непривычную его глазу разодетую, беспечно-фланирующую публики. Живут. Да еще как. И все есть и все вместе. И все понимают друг друга, а ты все недопонимаешь как-то чужого языка. Все не выскажешь им того, что так больно кипит в душе...

Гуляет Антон, не без интереса разглядывая беспечных, богатых, здоровых и счастливых людей, заманчивые витрины вкусных и модных магазинов, скачущие автомобили...

Смотрит и видит ее, эту довольную жизнь, отгороженную от него непроницаемой стеной. Смотрит и чувствует, как она не гармонирует с его всегдашней холодной и темной шахтой, с его тяжелой киркой и холодными зашейными каплями...

Гулял, гулял Антон и стало ему как-то нездорово. Как-то не по нутру пришлась ему, одинокому и забытому эта веселая и богатая беспечность...

— Одичал, — открыл свою сдавленную грудь он, очутившись в более тихом углу города. — Одичал. Нервничая. Дошел до того, что и в шахте мне больно и в городе больно. Какая-то вечная боль так и сосет сердце, так и надрывает душу. Нервы?.. Где там нервы. Таких канатов едва-ли у кого найдешь. Ну, если не нервы, то тогда что же? Усталость, тоска, безнадежность?..

И Антон уныло шагал по окраинам города, намеренно избегая его шумных улиц (все как-то легче обездоленному, когда он не видит чужого счастья) и, шагая так, забывшись, он и не заметил, как давно уже вышел из города и одиноко плелся, грустно повесив свою когда то буйную; по пыльному шоссе, сам не зная, куда и зачем плетется... — Праздную, — очнувшись Антон сквозь душившие его слезы от неожиданного гудка наскочившего на него автомобиля.

Тихо колыхалась высокая кукуруза по сторонам дороги, монотонно шуриша поредевшими, сухими листьями. Безжизненно затрепетал, кружась в воздухе, оторвавшийся от дерева желтый лист и, прикоснувшись к

мягкой пыли дороги, также безжизненно замер. Вальяются никому ненужные, давно поспевшие придорожные сливы. Как будто для того она и уродились, чтобы их безжалостно топтали прохожие. Одиноко грустят на голом бугре три забытые и уже почерневшие копны сена. Скучно и сиротливо осенью в поле...

Огляделся Антон кругом. Никого и ничего. Один. Совершенно один-одинешенек. Глядел, глядел Антон по сторонам, топтался, топтался на месте, думал, думал и, набрав полную грудь здорового, чистого воздуха, запел. Запел на всю молчаливую и одинокую гористую долину, делая ее еще более одинокой.

Поет Антон. Или, вернее, не поет, а плачет. Плачем ему вторит и долина. Плачет Антон, а у ног его лежит большой город с его довольной и спокойной жизнью. Какое ему дело, что Антон поет или плачет, или и поет и плачет? Надрываясь, поет Антон — „выхожу один я на дорогу“...

А надрываться Антону есть от чего. Ведь от всего его милого и дорогого только и осталось — „он“ и его „дорога“.

А „дорогу“ свою Антон знает. Она всем дороженькам — „дорога“. Едва ли кому приходилось „выходить“ на такую „дорогу“. А Антон много лет уже „ходит“ по ней, и кто знает, сколько ему еще придется „ходить“... До самой ночи пробыл Антон в тихой, гористой долине. И пел и плакал, и думал, и забывался...

Давно уже горел город своими многочисленными, яркими огнями, а Антон только подходил к своей квартире измученный и голодный.

— Попраздновал, — пробурчал он, устало передыхая у своей комнаты. Отдохнул. Нет, лучше не отставать от своих. Вместе и праздновать, вместе и работать. А одному никак нельзя. Больше намучишься, чем отдохнешь...

Ровно в 5 утра Антон уже тюкал своей увесистой киркой, вторя тяжелым молотам своих соседей-станичников. Глухая могила небезопасного, шахтинского подзелья была темна и холодна.

А когда слабый свет шахтерской лампы, вздрагивая от решительного удара Антоновой кирки, замирал, а в глазах Антона делалось темно, тогда с грохотом рушился тяжелый пласт черного угля и тогда капало Антону за шею. Но, он только судорожно с’еживался и снова поднимал свою тяжелую кирку...

— Доля...

4-ХП-928.

Я. Лопух.
(Болгария).

РОДИНА.

Люблю тебя, Кубань родная,
Колыбель детства моего,
Где моя юность золотая
Прошла сном радужным давно;
Где возмужалым я трудился,
Народну ниву бороздя,
Чтоб в души юные пролился
Свет вечной правды, а не зла.
Люблю тебя, страна родная,
Как дети любят мать свою;
Люблю, отчизна дорогая,
Природу дивную твою:
Равнины с пышными полями,¹
И горы с вечными снегами,
И склоны с темными лесами,
И моря шум, когда с гребнями
О берег бьет оно волну.
В горах истоки рек бурливы
С разорванным, стремнинным дном,

А в устьях их необозримы
Приморски плавни с камышем;
Твои высокие курганы,
Поросшие степной травой, —
Стражи давно забытой славы
Героев старины седой;
Степные балки с осокою
С чуть-чуть струящейся водой,
И крик перепелов зарею
В траве, искрящейся росой;
Спугнутой выстрелом далеким
Крик белой чайки над водой,
И жаворонка песнь, высоко
Парящего в лазури голубой;
Твои богатые станицы,
Где в праздник колокольный звон
Людей сзывает вереницы
В святопрестольный Божий Дом.
Увижу ль вновь я те картины
Хотя на склоне лет своих?
Иль здесь погибну на чужбине
Вдали от близких и родных?..

Петр Крюков.
(Франция)

Д О Н.

Широкий Дон, волной седой играя,
Сверкая искрами от солнечных лучей,
О прошлых днях великих вспоминая,
Ползет лениво, тихо средь степей.

В тумане марева над степью беспредельной
Несется строй давно минувших лет.
Все изменилось... Дон лишь неизменный
Течет спокойно сотни, сотни лет.

Не мало видел он и радости и горя;
Не мало слез носил в своих волнах;
Не мало крови нес в объятья моря;
Не мало тайн сокрыл он в камышах.
И, чуть волнуясь, плещет Дон волною,
О чем-то камышам прибережным журчит...
К твоим брегам, о, Дон, лечу душою,
Где все о древней воле говорит!

Лондон -- Москва.

О том, что Английское правительство рабочей партии снова „признает“ теперешнее большевикско-коммунистическое правительство Москвы, не было никаких сомнений.

Все мы прекрасно помним, что одним из основных лозунгов рабочей партии в прошлой выборной кампании был лозунг о возобновлении дипломатических и иных сношений с сов. Россией. Английские рабочие от этого „признания“ ожидали серьезного „оживления“ английской промышленности и торговли, а, значит, если не полной ликвидации, то значительного сокращения хронической для Англии после Мировой войны безработицы.

Английская консервативная партия, стоявшая перед тем у власти, прекрасно знала такое настроение английских избирателей и сама пошла ему навстречу. Мы помним, как перед парламентскими выборами английским промышленным и торговый мир снарядил в совдепию особую делегацию для того, чтобы еще раз, на месте, изучить возможности экономических взаимоотношений Англии и сов. России. Мы думаем, что это не был только предвыборный маневр. Если бы английские промышленники увидели, что с Москвою возможны хотя какие либо, но серьезные и деловые отношения, то они безусловно на них пошли бы. Но, делегация вернулась и сказала, что дело возобновления экономических отношений — дело безнадежное. Денег, во всяком случае, англичане на советское хозяйство не дадут.

Консервативная партия потерпела поражение, рабочая — победила и взяла правительство в свои руки. Пришло время исполнить обещание, данное избирателям, и ликвидировать безработицу. Новое, „рабочее“ правительство Англии действительно взяло на себя инициативу и предложило Москве вступить в переговоры. Москва ответила согласием и 29 прошлого июля снова сошлись в Лондоне английский министр иностранных дел Гендерсон и советский посланник в Париже Довгалевский.

Это первое свидание не дало определенных результатов, т. к. Довгалевский настаивал сначала на „признании“ и возобновлении дипломатических сношений, а потом только соглашался

вести и дальнейшие, „деловые“ переговоры. Гендерсон предлагал разрешить в первую очередь вопрос о старых долгах и о пропаганде. Не сговорились.

Москва, конечно, хочет и здорово хочет и „признания“ и „возобновления“. Это подняло бы престиж ее внутри „страны советов“. Это улучшило бы и международное (хотя бы только „дипломатическое“) положение „рабоче-крестьянского“ правительства, что, в связи со все еще „неопределенным“ положением на Дальнем Востоке, является для него далеко не безразличным. Но, в то же время, Кремль прекрасно знает и трудное положение своего лондонского соперника и не проявляет, поэтому, большой уступчивости.

Большевики „выдержали“. Английский министр иностранных дел снова пригласил к себе парижского полпреда и снова начал переговоры.

Английское общественное мнение (консервативные и отчасти либеральные круги) отнеслось довольно скептически к этим переговорам. Печать напоминала, что сам Макдональд (глава рабочей партии и теперешний глава англ. правительства) пять лет тому назад считал московские претензии неприемлемыми для всякого „культурного“ правительства. Снова английская печать обращала внимание своего правительства на делаемую им „ошибку“ и предупреждала, что „Москва все равно будет играть свою старую игру“, что она под всякими предложениями хочет снова послать в Англию большевицких комиссаров и... найти деньги. Противники большевиков определили позицию и поведение Гендерсона как „сдачу Москве“.

Тем не менее, английский министр иностранных дел не посчитался с этими предостережениями и заключил с Довгалевским соглашение, о котором потом правительственное сообщение могло только сказать, что „пришли к соглашению о списке вопросов, которые будут решены непосредственными переговорами тотчас после возобновления дипломатических сношений и после обмена послами. Установлены также и условия (процедура), при которых намеченные вопросы будут решаться“.

Трудно, конечно, из такого краткого и слишком общего сообщения сделать ясное представление о подлинной сущности достигнутого соглашения. Гендерсон сам „оптимистически“ смотрит на совершенное им дело и „верит“, что конечным результатом его будет создание отношений „между двумя народами на твердом фундаменте“.

Поскольку сбудутся эти ожидания, покажет ближайшее будущее. Один раз правительство Макдональда такой шаг уже делало и мы знаем, к чему это его привело. Обстановка за эти пять лет не настолько изменилась, чтобы можно было теперь ожидать иных последствий, чем при „признании“ предыдущем.

Практических, во всяком случае осязательных результатов сегодняшнее английское „признание большевиков“ принесет Англии меньше всего. А может быть и принесет, но только обратные тем, какие ожидают авторы „соглашения“, и мир еще раз увидит, что решение и тех вопросов, из-за которых Гендерсону нужно было „призвать“ советское правительство, надо искать не в признании Москвы, а в отрицании Москвы.

Англичане могут, конечно, позволить себе роскошь, после одного неудачного опыта, сделать другой опыт. Мы, хорошо знающие, с кем они имеют дело, несколько не сомневаемся в том, чем кончится и этот второй — тем же, чем и первый. Для нас это лучше.

Инж. В. Бейсуг

О фашизме.

Только развал внутренней жизни Германии и хаос на территории раскалывающейся России превосходили по своей силе и масштабам полную дезорганизацию государственной жизни, которая господствовала после окончания Великой войны в Италии. Деятельность левых партий, толкавших страну в объятия большевизма, была столь же пагубна, как и политика крайне правых, потерявших доверие народных масс после заключения мира, не принесшего и половины тех благ, которые ждала Италия, вступая в войну.

Массовые забастовки рабочих сменялись одни другими. Парламент, дошедший до такой степени чуждости, что уже не мог дать и относительно сильного правительства, являл картину полного бессилия и анархии. Государственные устои дрожали. Это была одна из тех минут, когда перед лицом грозной опасности „инстинкт национального самосохранения молчит или болезненно мятется и заблуждается в душах массы“.

В эти тревожные для Италии дни на сцену ее истории выступил Муссолини, выступил чтоб со своими „черными рубашками“ произвести революцию и взять руль государства в свои руки.

Существует какой то неписанный закон революции, согласно которому революции никогда не останавливаются у поставленных им целей: они или совсем не доходят до них, или перескакивают их, вызывая движение в обратную сторону, — реакцию. В этом отношении революция, произведенная Муссолини, отличается своеобразием. Муссолини был вполне прав, когда четыре недели тому назад, подводя итоги своему режиму на „Большом собрании“ фашистов, сказал: „Наша революция отличается от революций иных; в отличие от них, чем дальше идет время, тем больше приобретает фашистская революция облик, поставленный ею себе в виде идеала“.

И действительно, не в октябре 1922 г., когда Муссолини предпринял „поход на Рим“, вылилась фашистская идея в свою современную последовательную и стройную концепцию, но лишь в последующие годы создался режим фашизма и произошла „фашистизация“ итальянской жизни с тенденцией проникнуть и пропитать собою все затаенные ее уголки.

В чем же секрет такого отклонения фашистской революции от неписанного закон судеб революций? По-видимому его надо искать в сути самой идеи данной революции, в фашизме. Мы не будем затруднять внимание читателя систематическим изложением фашистского „учения“: в ряде появившихся уже в достаточном количестве специальных книг и брошюр интересующийся читатель получит легко ответы на все могущие интересовать его вопросы. Мы хотим затронуть лишь некоторые основные предпосылки фашистской идеологии и претворения ее в жизнь.

В основе фашистской идеи лежит „принцип аб-

солютного единства и абсолютной целостности государственного организма, полной согласованности всех элементов его структуры, сознательной подчиненности единой цели и единой директиве всех проявлений и функций национальной жизни“. Что может быть проще этого? А что как не простота лозунга гипнотизирует в первую голову массу? Восстав против парламентского строя и демократической общественности, фашизм противопоставил их многоликости — единство, их атмосфере „разговоров“ — действие (так по крайней мере полагала масса), их вялости — дух порыва вперед и воодушевления, их органической анархии равенства — иерархию, подчинение и дисциплину, их свободе — ее Муссолини недавно назвал „иллюзией для наивных людей“.

Очень часто фашизм мыслится, как начало, диаметрально-противоположное коммунизму. С точки зрения лечения коммунизма фашизм, конечно является средством весьма радикальным. Не даром ведь для „революционного пролетариата“ фашизм является синонимом реакции, контр-революции. Но оригинально то, что если брать за критерий отношение к парламентскому строю и демократическим началам, то и фашизм и коммунизм окажутся в одной плоскости: оба пересматривают идеи государства и в итоге отказываются преклониться перед английским его стилем, перед которым преклонялся еще Монтезье. И коммунисты думают, что современные европейские государственно-социальные формы не выдержат „революционных бурь“ нашего времени, и Муссолини считает, что только на намеченных им путях может быть разрешено внутреннее противоречие в государственной структуре западо-европейских стран. И даже внешне методологические пути коммунизма и фашизма сходны. Если в СССР государство должно являться по теории непосредственным выражением коммунизма, воспринять его цели, дух, настроения, то ведь и в фашистской Италии власть регулировки, воздействия и принуждения принадлежит лишь фашистским органам государства. И там, и здесь партия теряет свое самостоятельное значение и отождествляется с государством: партия перестает быть партией, если она одна и отрицает возможность существования партий иных.

Конституционное парламентарное государство мыслится, по крайней мере в идеале, изолированным от экономической стихии, духовных течений, и лишь стремящимся предоставлять минимум порядка и необходимой для общежития охраны права. Фашисты же считают государство за объединение с принципиально неограниченной компетенцией: „государство должно стать интегральным, т. е. оно должно слиться со всеми проявлениями национальной жизни; ни одна сторона деятельности отдельных лиц и социальных групп не должна ускользать от государственной компетенции. Каждый индивид и каждая группа должны действовать как государственный орган“. В проведении в жизнь огу-

дарствления всей социальной жизни и видят фашисты мисль существования своей партии.

Сознательно или бессознательно, но вся внешняя структура учреждений и построение иерархической лестницы, созданной фашистами, заимствовано ими от русских коммунистов. Из частной партийной организации фашистская партия постепенно стала органом государства, а потом и отождествилась с понятием Италии. Государство слилось с фашизмом. Все государственные учреждения были фашистизованы, и, наоборот, партийные органы и функции — огосударственны. Суд, школа, правительство — все это перестало быть „нейтральным“, каковым, по крайней мере в теории, является во всех государствах Европы, но стало средством осуществления единой всепроникающей фашистской идеи. Дело воспитания молодежи ведет не только фашистизированная школа, но и особый партийный орган (*opera Nazionale Balilla*). Спорт, печать, союзы, кружки — все, что так или иначе предполагает наличие коллективной деятельности, связано с тем или иным партийным органом. Закон же обеспечивает этим органам положение и права государственных институтов со всей вытекающей отсюда монополией.

В области личного состава госуд. учреждений современная Италия не знает более „аполитического спеца“. Если и не всегда требуется формальная принадлежность к партии, то все же каждый государственный служащий мыслится, как лицо проникнутое идеей фашизма. С 1926 г. все государственные учреждения датируют официальные бумаги рядом с годами христианской эры и годами эры фашистской, начинающейся с 28 октября 1922 г. Фашистизация захватывала и хозяйственную жизнь, ибо нигде больше, как здесь применим принцип фашизма, что всякая частная деятельность и личное творчество оправдываются лишь постольку, поскольку они стоят в соответствии с интересами национального целого и включаются в общую дисциплинированную систему: „одинокий человек может претендовать для себя лишь на песни пустыни“ (слова Муссолини).

Особые огосударственные фашистские синдикаты, разделяющиеся на синдикаты рабочих и работодателей, охватывают всю хозяйственную жизнь страны. Смысл их в урегулировании интересов труда и капитала, и в возможности контроля всей хозяйственной жизни из единого фашистского центра. Все синдикаты объединены в 6 конфедераций по главнейшим хоз. отраслям. Эти в свою очередь объединяются специальным министерством корпораций во главе с Муссолини. Муссолини до недавна одновременно держал в своих руках и портфели еще 6 министров: морского, военного, авиации, колоний, иностранных и внутренних дел.

В стране, где принципиально вообще не может быть никакой не огосударственной-фашистизированной деятельности, даже область искусства и свободных профессий заключена в объединяющие рамки особой фашистской конфедерации.

Поистине в Италии нет человека, деятельность которого не была бы так или иначе включена в организационную, или регулируемую компетенцию какого-нибудь государственно-фашистского учреждения. Бразды же управления всей этой сетью учреждений сходятся в руках Муссолини и состоящего при нем „Большого Совета Фашизма“. По своему составу „Большой Совет“ есть учреждение партийное, по своим функциям — это верховный государственный орган. В нем обсуждаются важнейшие вопросы внешней и внутренней политики, конституции, им определяется состав палаты Депутатов (положение о выборах депутатов в нижнюю законодательную палату не допускает борьбы кандидатов, но лишь плебисцитарное голосование фашистского списка, составленного Большим Советом), членов правительства, им назначается секретарь и члены Директории фашистской партии. Все члены Б. Совета назначаются главой правительства. В него входят все министры, президенты Сената, Палаты Депутатов и центральных конфедераций фашистских синдикатов, начальники важнейших органов фашистского государства, представители союза молодежи, специального трибунала, члены „квадрумвирата“, руководившего похо-

дом на Рим, секретарь, вице секретари и члены директории партии. Председатель Совета — сам Муссолини. Создав Большой Совет, Муссолини до известной степени разделил свои права с новой „аристократией“. Однако, личный престиж его настолько велик, что расхождение Совета со своим председателем совершенно немислимо.

Хотя безоговорочное утверждение наличия в Италии диктатуры и было бы не совсем правильно, т. к. фашистское движение в будущем, благодаря богатому идеологическому содержанию, мыслима и без Муссолини, все же наличие известного бонапартизма несомненно. Слишком очевидны во всей государственной системе элементы, являющиеся лишь средством сохранения и укрепления личной власти нового Бонапарта. Выборное начало исключено. Господствует принцип организации сверху, конечным источником всякой власти является глава правительства. Начала демократической выборности и самоуправления фашизм считает произвольными, не твердыми и не надежными. За массой не признается права творчества. Лишь организованная на начале единой воли свыше масса перестает быть безформенным телом, подверженным влиянию случайных воздействий, и из понятия чисто количественного превращается в качественный коллектив. Своими принципами дисциплины, иерархии, и единства фашизм противопоставляет себя „случайной механике демократического самоуправления“. Вся власть — не демократии, но „активным носителям духовного начала организации и оформления“. Какое все это органическое расхождение с либерально-демократическим укладом современной Европы, и какое удивительное внешнее совпадение с идеологией большевизма!

Только две силы не затронул фашизм: короля и Сенат. Второй — скорее формально, ибо „независимый“ Сенат все равно уже давно сдал свои позиции перед фашизмом, а пополнение его происходит по прежним законам правительством, т. е. теми же фашистами. Роль же короля сохраняется полностью. Король и сейчас вправе в любую минуту дать отставку Муссолини и распустить фашистский парламент. Великая политическая трезвость Муссолини, всегда исходящая из учета действительной обстановки, а не формальных моментов, одержала верх над соблазнительной мыслью лишить короля формального права на совершение „закононого переворота“. Совершив полную внутреннюю революцию всей государственной жизни Италии, Муссолини посчитался со щепетильностью королевской власти и не стал производить бесцельных колебаний и потрясений старинных традиций. Явившись в черной фашистской рубашке во дворец, Муссолини, будучи призван для составления министерства в дни похода на Рим, ограничился лишь намеком на революционное происхождение своей власти. В дальнейшем же королевский дом никогда не был окружен таким внешним почетом, как в настоящее время, хотя возможности политической инициативы короны и сведены почти до нуля.

Мы уже говорили о том, что фашизм включил в свои рамки путем организации синдикатов и хозяйственную жизнь страны. Экономическое credo фашизма изложено в торжественно опубликованной в день основания Рима „Хартии труда“ — „Carta del Lavoro“, которой был подведен итог многолетней работе в области рабочего законодательства и хозяйственной организации страны. Как бы уже своим названием хартия эта противопоставляется известной английской „Хартии свобод“ („Charita libertatum“). Если на последней построена конституция либеральной Англии, то на первой строится „корпоративное государство“ фашистов. Времена, когда люди прежде всего добивались свободы, говорит Муссолини принадлежат прошлому. Центром исканий современных граждан является работа, а потому регулирование труда должно явиться одной из наиглавнейших обязанностей государства. „Carta del Lavoro“ должна решить то современное социальное противоречие между трудом и капиталом, от которого страждет вся Европа, и которое с красным знаменем „классовой борьбы“ в руках пытаются так неудачно и односторонне решать большевики. Путем широкого компромисса, утверждения не

только прав трудящихся, но и прав работодателей, признанием частной инициативы в области производства и контролем ее, началами третейского суда и примирительных камер, фашизм стремится создать вместо временной дисгармонии, — гармонию на благо всех.

Благо государства и тут является исходным пунктом. Первые два параграфа хартии начинаются словами: „Итальянский народ есть организм, имеющий цель, жизнь и средства осуществления высшие, чем таковые индивидуумов и их групп его составляющих... Работа во всех своих видах, душевная, физическая и техническая, является социальной обязанностью... Всякий труд с точки зрения государства является составной частью единого целого; цели всякого труда едины: с одной

стороны служить источником благосостояния для трудящихся, с другой — способствовать развитию мощи всего народа“.

„Все в государстве, и все для государства, ничего против государства, ничего вне государства“ — этим лозунгом Муссолини, основанном на принципе „абсолютной согласованности всех проявлений национально-го целого и полном подчинении всего личного и разного единому сознанию и единой воле“ мы закончим характеристику фашизма, относя на следующий раз критику его самое по себе, и в применении к нашим казачьим исканиям своих политических идеалов, — в частности.

(Окончание следует).

П. И. Кокунько.

Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.

(Очерк.)

VI.

Так как Я. Г. Кухаренко был очень занят по своей должности начальника кордонной линии, где было много хлопот с переговорами и даже враждебными столкновениями с горцами, то он и не мог принять деятельного участия в происходящем, тем более, что в Екатеринодаре он бывал в это время только урывками. Вследствие этого, во главе всего движения очутился Н. К. Камянский, который также держался того мнения, что если бы Кухаренко в свое время не дал своего принципиального согласия на переселение Черноморцев за Кубань, то ничего, тогда происходившего, и не было бы. Кое-кто высказал это прямо в глаза самому Кухаренко, на что он отвечал приблизительно следующее:

1. Категорически отказаться от переселения за Кубань было нельзя. Это требовалось самим ходом событий, так как приведение в исполнение выработанного плана покорения Кавказа и заселение Закубанья было признано необходимым; решение это было окончательно и безоговорочно. Отказ повел бы за собой такие меры, какие были приняты при заселении Новой Линии и, пожалуй, с большей настойчивостью; волей неволей пришлось бы подчиниться. Переселение все таки совершилось бы, но с большими жертвами и, быть может, с уничтожением всего Черноморского Войска. Поэтому он и дал условное принципиальное согласие. Тем более, что тайные, закулисные соображения Кавказского начальства ему не были известны, а быть может, их в то время еще и не существовало, так как они явились следствием вопроса о поземельном устройстве на Северном Кавказе и в Казачьих Войсках, который возник много позже.

2. Непременным условием переселения было поставлено присоединение района переселения к территории Черноморского Войска на таких же основаниях, какие существуют для ныне занимаемой Черноморцами. Это условие как бы увеличивало область, занимаемую Войском, и само войско делалось более крупной единицей. Распространение до берегов Черного моря и по его побережью до Туапсе или Сухума, как окажется возможным, дает большее основание для названия Войска Черноморским даже в том случае, если осуществится проект о присоединении к нему шести бригад Линейного Войска. При выполнении этого условия, Черноморье приобретало область, увеличивающую его территорию вдвое и изобилующую лесными угодьями, чего не доставало старой Черномории.

3. При соблюдении вышеприведенных условий можно было рассчитывать, что Черноморцы охотно пойдут на новые места, потому необходимо было устранить всякую попытку к принудительному переселению и ограничиться вызовом охотников со всего Войска. Если их недостаточно будет вначале, то с течением времени, когда новые поселенцы ознакомятся с местом, можно было надеяться на более успешное заселение края.

До тех же пор все строевые части Черноморского Войска сосредоточить в намеченном для переселения районе для укрепления его безопасности.

— Для меня лично нет никакого сомнения в правдивости сейчас сказанного. Я знаю об этом от своего отца, который по службе близко стоял к Кухаренко, хотя во время выполнения плана он был уже на другой должности, вне Екатеринодара. Знаю со слов сыновей Кухаренко — Степана и Александра. Генерал Попко также подтверждал это, называя, впрочем, все это мечтами. Подтверждал то же самое также и Прокофий Григорьевич Короленко, с которым не раз мне приходилось иметь разговоры о войсковых делах, когда он уже был генералом в отставке и жил в Петербурге. Будучи депутатом от Черноморского Войска в Земельной Комиссии в Ставрополе, он вернее всего мог знать о сношениях Кухаренко с высшим Кавказским начальством и не был на стороне Кухаренко, обвиняя его в противодействии этому начальству.

Эти „мечтания“ Кухаренко, как их назвал генерал Попко, как нельзя больше подтверждают характеристику его, какую сделал Кулиш, говоря, что „Кухаренко казачий патриот и кроме своих казаков ничего не видит“. Действительно, давая согласие на переселение Черноморцев в Закубанский край, он имел в виду сохранение Черноморского Войска и даже расширение его территории. В этом отношении замыслы Кухаренко, по воле судеб, действительно остались одними „мечтаниями“ и тем интереснее показался мне один разговор, на котором мне случайно пришлось присутствовать.

Как-то раз, в 1870 году, я зашел к генералу П. Г. Короленко и застал у него приехавшего в Петербург полковника Василия Степановича Вареника. Между ними происходил оригинальный спор.

— Да, вы, именно вы, Василь Степанович, спасли Войско, говорил Короленко.

— Нет, Прокофий Григорьевич, не я, а вы спасли Войско...

Я не слышал предыдущего разговора и в неведении слушал препирательство этих двух „спасителей“ из которых каждый старался надеть лавровый венок на голову своего противника, а тот вертел головой и в свою очередь напяливал его на голову другого.

Когда ушел Вареник, я обратился к Короленко с просьбой объяснить мне, о спасении какого Войска шла речь. Если о спасении Линейного Войска, то его уже разодрали на куски и оно не существует, если же о Черноморском, то его тоже нет, оно тоже не существует, а есть Новокубанское, которое спасти не пришлось, так как пока еще ему ничто не угрожало, или еще лучше сказать, угрожала и угрожает до сих пор та политика, которая проводится правительством по отношению к казакам вообще и от которой действительно приходится спасаться, но о спасении теперь именно еще говорить как будто и рано.

На это мне возразил Короленко так: вам говорить еще рано, вы многого не знаете, а в будущем узнаете.

Но, он ошибся. Многие я знал уже и тогда и, пожалуй, знал больше, чем теперь, так как время свое дело сделало и быть может многое уже стерлось из памяти, а что узнал позже — далеко от того, чтобы можно было назвать того либо из двух споривших спасителем, скорее наоборот и особенно генерала Короленко. Не даром же в песне, сложенной в то время по поводу переселения за Кубань, имеется такой стих:

Бодай тобі, Короленку, так легко служити,

Як нам, бідним Чорноморцям, за Кубанню жити.

Характерно то, что в разговоре этих двух „спасителей“ не упоминалось имени Кухаренко ни среди тех, кого они обвиняли, ни среди тех, действия которых оправдывали. И действительно, во время самого разгара страстей Кухаренко как бы отошел на второй план, он держался в тени, не принимая никакого участия в самом движении: ни за, ни против.

Объяснения, которые он дал желающим знать его мнение о создавшемся положении и о своих действиях, не произвели никакого впечатления быть может потому, что говорившие с ним не считали возможным распространять их, видя общее возбуждение, а может быть и потому, что слишком громко звучал тогда голос народного трибуна — Камянского, взявшего в свои руки все. Покрыть этот голос, поддерживавшийся общим сочувствием, не было никакой возможности. Кухаренко это видел и так как самая идея движения и действий Камянского не противоречили его убеждениям, он оставил ему полную свободу действий, а в то время, когда, за выездом Кусакова в Ставрополь, он занял временно должность последнего, то даже дал разрешение на сбор депутатов, выбранных из округов, в Екатеринодар для обсуждения создавшегося положения.

Камянский получил письмо из Петербурга от Литевского, в котором последний писал, что слухи о суматохе в Черномории дошли до Петербурга еще раньше его приезда и Порохня очутился в затруднительном положении, не зная подробностей дела. Узнав их из доклада Литевского, Порохня, признавая переселение Черноморцев за Кубань неизбежным, всецело принял формулу Кухаренко и категорически высказался против принудительного массового переселения, в чем нашел единодушную поддержку депутатов от остальных Войск в Главном Управлении Иррегулярных Войск. Что касается упразднения казачьих Войск, очутившихся внутри России, то такового доклада в Управление не поступило, но слухи о том, что он есть и поступит прямо в канцелярию военного министра, ходят и в Управлении. Даже более того, говорят, что соответствующий доклад был сделан военным министром царю, в котором он высказался за приведение в исполнение такого плана, но, будто бы, Александр II положил резолюцию, что вполне разделяя мысль, высказанную в докладе, он

считает проведение его в жизнь преждевременным, так как казаки еще пригодятся в будущем.

Письмо это действовало ободряющим образом на всех и Камянский обратился к Кухаренко с предложением собрать депутатов от округов, на что и получил согласие. Этого не было бы, если бы Кухаренко относился несочувственно к протесту казаков. Он имел основание для отказа, так как в это время он не был Атаманом, а только временно занимал эту должность до приезда Кусакова из Ставрополя.

Получив разрешение, Камянский сейчас же сделал распоряжение по округам: выбрать и прислать депутатов на съезд в Екатеринодар. Не помню кто был избран от Екатеринодарского и Таманского округов, но от Уманского некоторых знаю, а именно: отставной полковник Дьячевский, Максим Шанько, подполковник Чернышев, войсковой старшина Мих. Фед. Ильяшенко, войск старшина Коровко. Из состоящих на службе: полковник Ив. Карп. Назаров, есаул Ив. Ив. Плохий, есаул Ниякий. Это, конечно, не все, но только те, фамилии которых остались у меня в памяти.

Пока шли эти выборы, в Екатеринодаре получено было известие из Ставрополя, что Кусаков не возвратится к своей должности и предписано было вступить во временное управление Войском, впредь до назначения Атамана, генералу Кухаренко. Вместе с тем уведомлялось, что в Екатеринодар прибудет сам командующий Кавказской армией, граф Евдокимов, и ко времени его приезда собрать всех чиновников, служащих и постоянно живущих в Екатеринодаре, а также и тех, которые ко времени приезда графа будут в Екатеринодаре.

Если таким известием граф надеялся поубавить был казаков, стоявших в оппозиции к начальству, опираясь на свой авторитет и положение, которое он занимал, то он жестоко ошибся. Боевое настроение не только не уменьшилось, но возросло, благодаря ободряющим письмам Порохни и Литевского, которые получал Камянский.

Вся эта сумятица очень интересовала горцев. Говорят, что они, не стесняясь, высказывали свое сочувствие казакам, обещая, в случае надобности, свою поддержку открытой силой. Это было похоже на правду, так как их нажим на нашу границу много ослабел, все как будто притихло, грабежи и набеги почти прекратились. Было ли это следствием сочувствия горцев к казакам, или же того, что на левом фланге особенно усилилась деятельность Кавказской армии, требовавшая особенного напряжения со стороны горцев, решать не берусь, но думаю, что вернее первое предположение, так как западные горцы в последнее время тяготились правлением Шамиля и его деспотизмом, что в конце концов и привело его к пленению.

(Продолжение следует).

Инж. М. Черныш.

Пути казачьей интеллигенции в эмиграции.

Моя тема не имеет политического характера, я хочу здесь коснуться чисто практического разрешения вопроса, как наилучше, на мой взгляд, могли бы духовно и материально устроить свою жизнь казачья интеллигенция в эмиграции, в связи с теми возможностями, какие имеются в данное время для казачьей земельческой эмиграции в республике Перу.

В 1920 г. все казачьи войсковые части были эвакуированы за границу: Кубанцы, Терцы и Астраханцы на остров Лемнос, Донцы в Турцию, в Чатагджу, а через некоторое время тоже на остров Лемнос.

Казачьи беженцы и тыловые учреждения первоначально были эвакуированы в Константинополь, а потом были перевезены на Балканы: в Югославию и Болгарию, куда летом 1921 года были перевезены и казачьи строевые части, причем Донской корпус был направлен в Болгарию, а Кубанцы в Югославию. С Балкан каза-

ки распылились по целому свету; много казаков, преимущественно донцов, поехало в советскую Россию.

Когда казачьи строевые части сформировались и казаки перешли на собственные хлеба, много казачьей молодежи решило продолжать на чужбине свое прерванное войной образование. Славянские государства, Чехословакия и Югославия, широко открыли двери своих учебных заведений перед казачьей молодежью и братски помогли им материально, что, вместе взятое, дало ей возможность закончить свое среднее, специальное, а многим казакам и высшее образование. Много казаков уже окончило высшие учебные заведения за границей, остальные оканчивают для того, чтобы в тяжелых эмигрантских условиях найти себе подходящее место по своей специальности и таким образом жить.

Больших надежд на скорое возвращение домой в данное время казакам иметь не приходится, продол-

жать же и далее жалкое бесправное существование с нансеновскими паспортами, без права передвижения не только из одного государства в другое, но и из одного округа в другой (как это практикуется в отношении эмигрантов в некоторых государствах Европы), без права, напр., доктору медицины производить практику, или инженеру подписывать свои технические проекты и пр., служить за самое мизерное содержание и ждать что тебя, как эмигранта, в любое время могут уволить со службы, — все это заставляет казачью интеллигенцию задумываться над своим будущим.

В Европе уже давно замечается избыток интеллигентных профессий, а посему и казачьими специалистами здесь не очень дорожат. А что ожидает такого казака-эмигранта в старости? Стариков мы уже имеем сейчас, да и сами стареем. Выхода нужно искать и возможно, что для некоторой части нашей казачьей интеллигенции в эмиграции его можно найти, при правильном подходе, для разрешения этого очень важного эмигрантского казачьего вопроса.

Передо мною сентябрьский номер журнала „Кавказский Казак“ за 1929. С большим интересом прочел я в этом журнале сообщение о прибытии группы ген. Павличенко в гор. Аякучию в респ. Перу и письма оттуда.

Одно из писем гласит: „Министр Внутренних Дел обещал устраивать всю нашу молодежь в учебные заведения, консерваторию, университет и давать стипендию. Наши кадеты хотя и устроили учиться, но они все пожелали на землю...“ Казаки не так уж богаты своей интеллигенцией чтобы позволять себе такую роскошь, как иметь фермерами на новом поселении недоучившихся молодых казачат. Если имеется возможность получить от правительства Перу для казачьей молодежи стипендии, казакам-родителям нужно послать своих детей учиться, как это в свое время мы делали у себя дома, потому что в казачьих колониях на Апуримаке нужны будут не только земледельцы, но и интеллигентные казачьи силы самых разнообразных профессий.

Если условия для колонизации казаками долины реки Апуримак в смысле климата, возможности там заниматься хлебопашеством и скотоводством, путей сообщения, хорошего рынка для сбыта с.-хоз. продуктов и пр. — окажутся благоприятными и казакам будет на выгодных условиях предоставлена земельная площадь, достаточная для массового организованного поселения, — не задумываясь, можно смело сказать, что там на Апуримаке в самом скором времени соберется все эмигрантское Казачество, в данное время в Европе в рассянии находящееся.

Тяга к привычному и любимому занятию — сельскому хозяйству и тоска по утерянной казачьей жизни, — это будет тем стимулом, той внутренней силой, которая заставит казаков слететься с целого света строить себе новую жизнь на Апуримаке.

Читателям нашего журнала наверно уже известно, что колонизация казаками долины р. Апуримака, которая предполагалась сначала лишь только в отношении кубанцев, по частным сведениям имеет быть распространена на всех казаков, главным образом земледельцев, находящихся в эмиграции, которые захотят поселиться в Перу оседло и заняться там сельским хозяйством — земледелием и скотоводством.

По тем же сведениям ОСДКТ взял на себя инициативу и хлопоты по переселению казаков на землю в Перу и через своего представителя, прибывшего туда во главе первой группы кубанцев, ген. Павличенко, ведет переговоры с правительством Перу об условиях поселения в долине р. Апуримака на земельной площади в 750.000 гект. 25.000 казачьих семейств. Несколько казачьих групп уже выехало из Европы в Перу и работают часть по постройке шоссе к месту поселения, а часть на постройке первой казачьей станицы возможно будущей станицы новоказачьего Войска.

В Париже и в Белграде ведется запись казаков, желающих переселиться в Перу.

Перед нами перспектива, что в недалеком будущем, если там, на Апуримаке, имеется во всех отношениях полная возможность для казачьей колонизации и усло-

вия, на каких будут казаки селиться там, выгодны для казаков, — в недалеком будущем за океаном может организоваться из казаков эмигрантов новое Казачье Войско.

Если это так и если этот план в действительности в недалеком будущем осуществится, — пути казачьей интеллигенции, находящейся в эмиграции, могут в связи с этим измениться, потому что нашим поселенцам на Апуримаке нужны будут специалисты самых разнообразных профессий и при умелом ведении дела недостатка в своих казачьих специалистах не будет, т.-к. мы, казаки, в данное время за границей как никогда имеем много подготовленных уже в эмиграции самых разнообразных специалистов, которые не очень хорошо обеспечены за свою работу здесь, в Европе, и большинство которых, не будучи в своей личной жизни связанными в Европе с радостью поедет создавать новую жизнь на Апуримаке, восстанавливать из расбросанных по целому белому свету казаков эмигрантов Казачество, творить на чужбине новое Казачье Войско.

Надо надеяться, что ОСДКТ при переговорах с правительством Перу относительно казачьей колонизации на Апуримаке, поставит на порядок дня и вопрос о переселении в Перу казачьей интеллигенции, о своих специалистах, которые были бы полезны для государства не только в границах казачьей колонизации, но и за границами ее, на целой территории респ. Перу.

Та часть казаков, которая в Европе прилично устроилась материально, женилась на иностранках, привыкла к жизни в зап. Европе, так или иначе связанная с Европой научной, общественной или политической работой, — эта часть казачьей интеллигенции наверно никуда из Европы не поедет, большинство же казаков, устроившихся в Европе временно, абсолютно ничем не связанных с Европой и духовно тяготеющих к родному им Казачеству, во сне и наяву мечтающих о путях для спасения Казачества, — эти казаки обретут свое личное счастье только в своей казачьей среде, будет ли это в родных краях или на далеком Апуримаке. На этой то части казачьей интеллигенции я главным образом и хочу остановиться в этой статье.

Без своей интеллигенции у Казачества не будет полной духовной и культурной жизни. А если это так, то нужно приложить все старания, чтобы использовать и на Апуримаке как можно лучше силы части своей же казачьей эмиграции, своей интеллигенции — наших докторов, инженеров, адвокатов, учителей и пр. Практически все сводится к тому, чтобы по условиям, выработанным представителем ОСДКТ и с правительством Перу, дать казачьим специалистам в местах их наибольшего сосредоточения, главным образом в Чехословакии и Югославии, возможность получить визы и материальные средства для переезда из Европы в Перу. По приезде в Перу дать возможность казачьим специалистам изучить государственный язык, а потом предоставить службу по специальности для одних на территории казачьей колонизации, для других — за пределами ее, на территории респ. Перу. Инженерам земледелия и лесным инженерам дать возможность изучить при высших специальных школах местные тропические с.-хозяйственные и лесные культуры, а потом предоставить им места по этой специальности.

Все это, вместе взятое, даст возможность казачьей интеллигенции, переселившейся в Перу, опять зажить по казачьи, стать полноправным гражданином на новой родине, работать по своей специальности, занимая хорошо оплачиваемые места. Правительство Перу, где, как и в целой Южной Америке, еще долго будет ощущаться недостаток в специалистах различных интеллигентных профессий, израсходовавшим сравнительно небольшие средства на перевозку туда наших специалистов и на краткосрочную подготовку их для работы среди специфических местных условий, — будет иметь на государственной службе порядочный кадр казачьих специалистов, и такая акция обойдется респ. Перу сравнительно недорого, если принять во внимание какие большие суммы каждое государство расходует для того, чтобы каждого такого специалиста выучить в низ-

шей, средней и высшей специальной школе, — в данном случае эти специалисты уже имеются, необходимо только израсходовать сравнительно небольшие средства, чтобы их с пользой для государства использовать.

Будем надеяться, что это так и будет в том случае, когда разведка ген. Павличенко на Апуримак для Казачества окажется удачной и вопрос здесь поднятый будет положительно разрешен.

А. А. Гейман.

В Америку!

Пришлось еще сделать одну продолжительную поездку по рудникам и селам, где живут и работают казаки. Новые впечатления. Все охвачены мыслями и даже сборами в Америку. Америка заслонила политику.

Большой, около 6-7 гектаров, участок земли охвачен кругом речкой Тимокон с одной и протокой с другой стороны. Больше десятины богато родившего в этом году огорода, половина участка под кукурузой, остальное — люцерна.

Хозяин инвалид, еще сильный казак. Входим. После обычных радостных приветствий, хозяин командует на сербском языке:

— Гла! скремай бырдзо ручак! Дошли су до души драги гости!

Уже немолодая сербка проворно засуетилась.

— Это что же у вас за женщина? — спрашиваете вы.

— А це и ње вона, сама моя сиринада.

— Ну для вас бы пожалуй еще и помоложе надо бы.

— А хїба менї на нїй короля зустрїчатї їхать чи що, а для Америки згодиться њ ця. Роботу робе як кїнь!..

И действительно... Огород разделен и содержится в образцовом порядке, в хате чистота. И все это вдвоем, вот этот сам „американец“ и его „сиринада“.

— Ну, как и когда едем в Америку? — И разговор с огромным интересом начинается на новую, поглотившую его всецело тему.

В другом месте. Долго искал в беспорядочных и кривых переулках влашского селения двух приятелей, занимающихся столярным делом. И прошел бы мимо какого-то сарая, если бы не услышал вдруг: „Та ты помалу, гляди, не зрїж мою буланжу!“ Суббота и казаки совершают свой туалет, бредутся перед праздником и „клиент“ беспокоится, чтобы „мастер“ не сбрил ему нечаянно бородку а ля Буланже.

— Заходьте!..

И опять все то же. Это — черноморская братия.

А вот и линеец. Едва вошли, как после необходимых приветствий и справок о здоровье и поживании, обязательный вопрос: „Ну, как, скоро ли в Америку? Идет ли запись?“

Получив удовлетворительный ответ, хозяин вдруг кричит:

— Эй, Драшца! носи ме пушку и едан пунени мента! (ружье и снаряженный патрон).

Чернобровая, молодая сербка быстро выносит из хаты и то и другое. Казак прицеливается и — бац! Огромный петух, беспечно и важно гулявший во дворе падает мертвый.

— Это нам кочет на суп.

— Можно бы и парадайсах и крастовцах (помидоры и огурцы) пообедать, брат.

— Э, что так, в Америке не таких заведем. Драгче! стремай чорбу на бырдзу руку! (готовь суп на скорую руку).

— Славная, кажется, у тебя вот эта Драшца.

— Да что ж. Прежде, бывало, перед дальним походом казаки коней выгладывали да подбирали, ну, а теперь жинками запастись надо.

Казаки заволновались, готовятся. Вот беда, что только плохо читают и мало осведомлены. А писано уже очень много. Те, кто запасается женой-хозяйкой и работницей — хорошо понимают, что, садясь на девственную землю и в местности не окультуренной, там предстоит впереди колоссальный труд, прежде чем дойдешь до благополучия и достатка. Некоторые уже 5-6

лет живут с жонами не венчаные. То ей, то ему нельзя добыть развода, и условие, что записывать с собою можно только законных членов семьи — сильно их смущает.

И действительно, кто не знает, что без женщины никакое сельское хозяйство невозможно. Вот в этом теперь же кому надлежит нужно придти на помощь. Есть конечно и фантазеры. Они пишут и кажется уже сватают институток и барышень, совершенно не уясняя себе, что ни они сами, ни их жены там совершенно не пригодны. Есть фотографии и другие рыцари свободных художеств из молодежи, маляры, шоферы, мотористы. Они никогда земли не пахали, а их там посадят на нее и их профессии там не скоро найдут применение. Смущает всех вопрос о стариках. Что с ними делать. Оставить здесь, — пропадут, взять туда — не позволят. Отрадно слышать и такие речи: „Ну, а как же наши старые генералы, полковники, да и казаки старые, они для нас когда то много потрудились. Как же их теперь тут оставить?.. Там мы их всем миром поддержим. Это нам ничего не будет стоит. Да еще, пожалуй, и там без них не обойтись...“

Вопрос о не казаках, попавших в первую партию, также многих волнует. Не могут казаки забыть их недоброе внимание в бывшей дивизии на работах. Они абсолютно против допущения их к переселению вместе в Америку.

Решение Лиги Наций удерживать с каждого переселенца 200 динар, также вызывает у казаков большое недоумение. За что же еще и это?

Слабо знают самый порядок записи. Всякий хочет сделать это лично, непосредственно через начальника пох. штаба Атамана. Это, конечно, те кто еще не состоит до сих пор ни в какой станице, или она очень далека.

Очень хорошо в этих случаях на них действует, когда говоришь им, что вот, когда вам нужно найти, и купить в Белграде подержанный граммофон, или шпильку к швейной машине, то вы пишете об этом полковнику С-ну, ну, а на ответ то вы прилагаете когданибудь почтовую марку в 1 динар? А в кубанскую казну вы чтонибудь вносите? Наконец, очень интересные и характерны и такие разговоры, в которых слышатся часто и нотки обиды и горечи. Вот инженер такой-то (не казак) читал нам в „Возрождении“, что думает и пишет Донской Атаман. Атамана смущает, как мы поладим с 55% иногородних, которые там до 18 года жили. А не смущает его то, как нам жить с теми миллионами новых расейцев, которые теперь там живут и уничтожают казаков? Вот, говорит он, придем на родину, выберем Атаманов, Раду и опять заживем. Дай Бог, чтобы хотя наказного дали, а то дадут губернатора, а если бы даже и позволили выбирать, да ведь казачий голос там теперь будет может быть 5 или 10-ый, ну и выберут в Атаманы какогонибудь... под горшок стриженного „казака“.

К Кубанскому Атаману больше доверия и веры, а в разговорах уважение слышется. Он популярен даже для инакомыслящих.

Много провокаций. Распространяются, например, слухи, что первая партия высаживалась с боем в Перу, что убито восемь казаков, что еще взяты в плен 12, что казаки едут назад. Из всего этого создается убеждение, что необходимо о порядке переселения и как оно идет, широко публиковать во всех местных газетах, как в Югославии, так и Франции, так как много казаков, живя в одиночку или малыми группами, вообще плохо обо всем осведомлены.

Перу.

(Исторический очерк).

Недавно поселившиеся и собирающиеся поселиться в Перу казаки не знают настолько испанского языка, чтобы могли более подробно ознакомиться с прошлым своего нового Отечества из учебников истории, потому нижеследующие строки, являясь логическим продолжением статьи о Перу, помещенной в предыдущем номере нашего журнала, знакомят интересующихся с прошлым Перу, чтобы можно было понять и настоящее — ее политическо-экономическое и культурное состояние. Данные про это государство заимствуем из энциклопедического словаря „Брокгауз и Ефрон“ (т. 45) с небольшими изменениями, выпусками и дополнениями

Первые сведения (после открытия Америки Колумбом) о стране, лежащей к югу от Панамы, богатой драгоценными металлами и камнями, получены испанцами в 1511 г. от Бальбоа, который перешел Кордильеры и открыл Великий океан. Вскоре появились новые исследования части Великоокеанского побережья и Перу. Красочные описания страны, богатой золотом, увлекли авантюристов и любителей легкой наживы. В ноябре 1524 г. священник Фердинандо де Лука, служивший в Панаме, снарядил за свой счет два корабля с 200 добровольцами для завоевания богатой страны, но слабость сил и недостаток оружия позволили ему захватить только одну прибрежную деревню в Колумбии; за то сведения о богатой стране, лежащей на юг, были подтверждены. Вскоре Лук подписал договор с двумя авантюристами, в силу которого последние обязались покорить Перу; с тем, чтобы покоренные земли поделить между собой поровну. В начале 1528 г. экспедиция возвратилась в Панаму. Не имея поддержки у местного испанского губернатора, Пизарро, стоявший во главе экспедиции, обратился за помощью к испанскому королю Карлу V. Правительство обязалось содействовать экспедиции оружием и военными запасами. В январе 1531 г. экспедиция отправилась на 3-х кораблях с 280 чел. добровольцев. Важное преимущество этой экспедиции перед двумя предыдущими состояло в несколько лучшем вооружении. Правда лишь немногие из солдат Пизарро имели ружья, но все располагали хорошими металлическими панцырями и железными мечами, совершенно неизвестными индейцам; у многих были стальные луки. Кроме того у них была конница, внушавшая индейцам суеверный ужас (до открытия Америки там не знали лошадей). Через несколько месяцев Пизарро решил двинуться внутрь страны. Атагуальпа (король инков) послал мирное посольство с подарками и просил Пизарро прибыть в гор. Кахамарку: вероятно он рассчитывал завлечь испанцев в засаду. В ноябре 1532 г. Пизарро вступил в г. Кахамарку. Атагуальпа со своим отрядом стоял вблизи. По приглашению Пизарро Атагуальпа в сопровождении нескольких тысяч человек, но без оружия, вступил в город. Здесь ему было предложено принять христианство и признать власть испанского императора, но не понимая, что ему говорят, король инков отрицательно кивнул головой. Этого было достаточно для того, чтобы начать избивание инков. Не менее 2.000 легло их на месте; Атагуальпа попал в плен; испанцы не понесли потерь ни убитыми, ни даже ранеными.

Властвуя над Атагуальпой, испанцы властвовали над всей страной и были совершенно обеспечены относительно провианта. Наконец, Атагуальпе удалось убедить испанцев принять от него громадный выкуп золотом и серебром за освобождение и употребил все усилия на то, чтобы (через посредство гонцов) собрать по стране этот выкуп.

Многочисленность индейцев и слабость собственных сил принуждала испанцев действовать осторожно, пока не прибыло подкрепление в 150 чел. В сентябре Пизарро отправился походом на Куско, который и взял без сопротивления. Завоевание Перу этим было окончено. Началось завоевание Чили.

В 1535 г. в Перу хлынула новая волна авантюри-

стов, привлеченных невероятными рассказами о богатствах страны; среди них были и солдаты, и священники, и торговцы. Началась колонизация края, которую руководил Пизарро из гор. Лимы, признанного им столицей. Завоеванная страна не оказалась для переселенцев такой, как они ожидали; обилие драгоценных металлов вызвало страшное поднятие всех цен и, при неумении организовать правильные торговые сношения с индейцами, испанцам нередко приходилось терпеть голод. Вскоре между испанцами началась междоусобица, которая, не смотря на вмешательство испанского правительства, продолжалась до 1548 г., когда был казнен Пизарро.

Индейцы спасались в леса и горы, и через несколько десятилетий после появления испанцев в Перу, их цивилизация пришла в совершенный упадок: никто не поддерживал дорог и каналов, земледелие и ремесла находились в самом жалком состоянии. Вытесненные из долин, переставшие жить оседлой жизнью, отчасти одичавшие, но вместе с тем научившиеся прекрасно владеть отбитым у испанцев оружием, индейцы делали набеги на испанские поселки; по временам они объединялись и начинали более или менее серьезные войны и мятежи. Серьезная война была введена последним инкой, Тупак Амарой, взятым в плен и казненным в 1571 г. Последнее индейское восстание имело место в конце XVIII в. Во главе его стоял качик (старшина), принявший имя Тупак Амару. Он желал воскресить царство инков; вместе с тем он делал попытки привлечь на свою сторону и белых. Собрав армию, осадил г. Куско, но был разбит, взят в плен и казнен в 1781 г. Несмотря на эту прекращавшуюся борьбу, между испанцами и индейцами происходило постоянное сближение, придавшее испанской колонизации иной характер, сравнительно с колонизацией английской; население смешивалось, и уже в конце XVIII в. число метисов (метисы — помесь индейцев и белых) превышало число белых.

В XVIII в. произошло сближение между национальностями, уже на почве общих политических и экономических интересов.

В конце англо-испанской войны (1713 г.) англичане получили привилегию ввоза негров в испанские колонии; это дало толчок к значительному развитию контрабанды, создавшей почву для постоянных столкновений с правительственными чиновниками; в этих столкновениях принимали участие как колонисты, так и индейцы, так как все были одинаково заинтересованы в привозе дешевых товаров. Все страдали от притеснений со стороны метрополии, (Испании) и потому место расовой борьбы внутри колонии заняла чисто политическая борьба колоний за политическую независимость от метрополии. Брожение усилилось, когда к этому дала толчок северо-американская, потом французская революция, с последовавшими за нею наполеоновскими войнами.

В 1811 г. вспыхнуло восстание, которое энергией вице-короля Абаскала было скоро потушено; Перу сделалась даже центром реакции, из которого испанское правительство пыталось подавить восстание в Чили и Буэнос-Айресе (Аргентина).

В сентябре 1820 г. аргентинские и чилийские революционные войска высадились вблизи Кальяо, разбили правительственные войска в нескольких сражениях и вновь подняли страну. В июле 1821 г. они вступили в Лиму, из которой вице-король Лазерна удалился в горы. 28 июля 1821 г. была торжественно провозглашена независимость Перу; аргентинский генерал Сан-Мартин избран протектором республики. Однако, фактически, вся внутренняя часть страны находилась в руках роялистов (т. е. испанских монархистов). Восстание в Лиме, направленное против Сан-Мартина, но произведенное не роялистами, а революционерами, облегчило обратное завоевание столицы испанцами в июне 1823 г.; через несколько недель она вновь перешла в руки восставших. На конгрессе в Лиме, в феврале 1824 г., была вы-

работана конституция. „Освободителем страны“ был избран и облечен диктаторскими правами венецуальский революционер Боливар; он вступил в Перу с 11-тысячным войском, нанес испанским правительственным войскам несколько поражений и принудил их к капитуляции в дек. 1824 г. Только Кальяо оставалось в руках испанцев до января 1826 г. Победа инсургентов не удовлетворила страну.

Боливар стоял во главе партии, стремившейся к созданию одного большого государства с сильной центральной властью. В таком духе составил он вторую перуанскую конституцию (1826 г.), которая объединила в одно государство Перу, Колумбию и Эквадор. В 1828 году Боливар был изгнан из Перу и заменен президентом Ламарой; при нем была составлена новая конституция по образцу североамериканской с некоторым отклонением от нее — голосование, основанное на цензе. Эквадор еще признавал власть Боливера, и потому между Перу и Эквадором началась война, которая, по смерти Боливера, окончилась признанием самостоятельности Перу (1830 г.) Эта победа не обеспечила спокойствия молодого государства.

В следующие десятилетия Перу находилось в состоянии постоянной анархии: власть принадлежала армии, которая призвала и свергала президентов. В течение 16 лет сменилось 7 президентов, из которых ни один не удержал власти до конца законного (4-х летнего) срока. В 1837 г. была сделана попытка обращения Перу вместе с Боливией, в одну империю, но эта попытка вызвала войну с Чили и Аргентиной, окончившуюся поражением Перу и восстановлением республиканской формы правления. Новая конституция была подобна конституции 1828 года, выработана на конгрессе в Гуанкойо (1839 г.)

Впервые продолжительный период мира пережила республика между 1845—1851 г. г. под властью президента генерала (родом метиса) дон Рамон Кастилья, сначала захватившего власть посредством „дворцового переворота“, но через два года устроившего своего избрание посредством народного голосования. При нем было улучшено финансовое положение страны, проведена первая железная дорога из Лимы в Кальяо. Больше всего правительство обращало внимание на армию.

Кастилья уступил власть, в первый раз в истории Перу, законно избранному преемнику, генералу Еченике. Для улучшения финансов Еченике решил провести конверсию внутреннего государственного долга, с значительным понижением нормы процента; это вызвало восстание, во главе с ген. Кастилья. Президент объявил свободными всех рабов, которые поступят в правительственные войска; Кастилья отвечал провозглашением общей свободы всех рабов и освобождением индейцев от подушной подати. Таким образом эта борьба привела к весьма крупным реформам. В январе 1855 г. Кастилья разбил близ Лимы своего соперника, и немедленно национальное собрание избрало его „главою государства“. В следующем году (1856) была выработана новая конституция, признавшая всеобщее голосо-

вание и свободу совести. На основании этой конституции были произведены (1858 г.) новые выборы, утвердившие власть за Кастильей. Клерикальная партия, недовольная признанною конституциею свободой совести, произвела несколько восстаний. Они были подавлены, но конституция была пересмотрена в 1860 году: католицизму даны права государственной религии и запрещено публичное отправление богослужения по обрядам иных религий; отменена всеобщая подача голосов и вновь введен имущественный ценз.

После нескольких лет внутренних раздоров, власть захватил (1865 г.), на правах диктатора, полковник Прадо, бывший противником слишком робкой иностранной политики своего предшественника, в особенности по отношению к Испании; он заключил союз с Чили, Боливией и Эквадором (1866 г.) и объявил войну Испании, окончившуюся победой союзников. Прадо стремился ввести свободу совести и преподавания и в конце 1867 г. восстановил конституцию 1856 года, но через месяц пал жертвою военного переворота и бежал за границу (январь 1868 г.). вновь была восстановлена конституция 1860 года.

Президент Балта сделал попытку покрыть Перу сетью железных дорог; для этого были заключены за границей, преимущественно во Франции, крупные займы, на крайне тяжелых условиях. При постройке железных дорог начались грубые хищения, и выстроить удалось всего около 400 км. жел. дорог. В 1872 году Балта был убит, во время народного восстания; его преемник через несколько месяцев подвергся суду Линча, и некоторое спокойствие восстановилось только после захвата власти доном Пардо, первым президентом не из военных (1872-76). Не подвергая конституцию пересмотру, он сумел установить значительную свободу для не католических вероисповеданий, улучшил школы и значительно сократил армию. Его преемник, бывший диктатор Прадо (1876-79) вновь подорвал финансы страны бессмысленной войной с Чили. Понесенные им поражения вызвали взрыв народной ярости, от которой ему пришлось спасаться бегством. Его преемника Пиеролу (1879-81), продолжавшего войну тоже с неудачей, постигла та же судьба, а следующий президент Кальдерон (1881-83) был взят в плен чилийцами. Новый президент, ген. Иглезиас (1883-85) заключил, наконец, мир с Чили. Перу уступило Чили провинцию Тарапака навсегда, Арака и Такна — на 10 лет, как гарантию уплаты контрибуции.

Иглезиас был низвергнут Касересом в 1885 г. В 1890 г. последний мирно уступил власть Бермудецу, после смерти которого в 1894 г. был снова избран президентом Касерес, но через год (1895) низвергнут Пиеролой. Заговор Касереса против Пиеролы был открыт (1896) и повлек за собой многочисленные казни. Вообще Пиерола управлял деспотически, несколько не стесняясь конституцией.

Переговоры с Чили о возврате двух временно занятых провинций ни к чему не привели, так как Перу не могло уплатить контрибуции.

К. 3.

О Колумбии.

Весьма интересные сведения о Колумбии дает в своем сообщении чешский инженер А. Гора. Для нас, эмигрантов, тяготеющих ко всем концам света, эти сведения особенно ценны.

Колумбия самая благоустроенная республика Южной Америки. Эта часть Америки во всех отраслях своей жизни находится в периоде расцвета, и здесь очень много возможностей в смысле устройства и заработка. Двадцать пять лет Колумбия не переживала никаких революций и политических потрясений и, не взирая на некоторые „детские“ болезни молодой республики, мирно продолжает развиваться и процветать. Здесь требуются разные специальные силы, в которых ощущается недостаток, поэтому сравнительно легко здесь устроиться и иностранцу.

Строй демократический, свобода полная, если не считать того, что за последнее время усилена цензура, с целью борьбы с коммунистической пропагандой. Иностранцам запрещено вмешиваться в политическую жизнь страны, не говоря уже о том, что здесь долго задерживаются распространители социалистических и коммунистических идей. Кто не уверен в себе, в смысле лояльности в этом отношении, пусть и не думает ехать в эту страну. В хождении золотая монета пезо, которая почти равняется американскому доллару (на 3% дешевле) и курс ее устойчивый. Государственный язык испанский, без знания этого языка трудно в первое время подыскать себе подходящее место, а инженеру необходимо знать настолько, чтобы делать расчеты, заметки и т. п. Кто прилично подучится гово-

рять и писать по испански, того ожидает здесь хорошо оплачиваемое место, и бродить без места не придется. Здесь очень много и предприятий иностранных, но в предприятиях этих нужно знать, соответственно тому чья фирма — французский, английский, немецкий языки, а кроме того всюду требуется знание местного языка, испанского. Незнание языка влечет за собою получение неважной и плохо оплачиваемой работы, пока „гость“ не научится говорить на языке „хозяев“.

Особо предупреждаются искатели разных приключений — им незачем туда ехать, к тому же если свои расчеты и надежды основывают на „авось“. Правда, имея уже на месте службу, или работу, можно позволить себе позабавиться в свободное время охотой за тиграми, исканием золота и т.п.

Человек разумный, упорный, усердный и работающий и имеющий какую нибудь специальность и хорошие рабочие руки, — никогда не раскается в своей поездке в такую далекую и для европейца загадочную страну. Любителей выпить „с горя“ или радости, лентяев и людей с сомнительными специальностями, здесь не терпят долго.

Климат очень жаркий, в некоторых местах не для всякого европейца выносимый. Люди со слабым организмом и, как замечено, блондины не выдерживают здешнего климата.

Не рекомендуется по приезду слоняться по разным учреждениям за той, или иной поддержкой, лучше стараться, не будучи особенно разборчивым, стать на какую угодно работу, а потом уже, ориентируясь, искать лучшего.

Прибыв в Боготы, лучше всего прямо обратиться в министерство труда, где будут указаны свободные места и соответствующие условия. Кто ограничен в средствах, тот уже в Барранквилле может начать попытки подыскать себе работу, а, немного подработав, двинуться дальше. Здесь жаркий климат, который более выносим, благодаря морскому ветру. Нужно быть очень осторожным, чтобы в первое время, еще не закрепившись, не схватить малярии. Отличное предупредительное средство против малярии это пласмохин, средство немецкого производства. Во всей стране ужасно распространены венерические болезни.

Плата рабочим от 3 до 5 долларов в день, инженеру — до 400 долларов в месяц. Почти абсолютно не советуется приезжать сюда электротехникам, здесь своих специалистов хватает, нет работы и для лесников. Механики и агрономы с трудом, но так или иначе устраиваются. Больше всего перспектив для строителей. В порту Картагены много работ по водным постройкам. В Пуэрто Ллевано очень легко подыскать работу, но климат очень нездоровый, но если не употреблять спиртных напитков и принимать пласмохин, можно выдержать несколько месяцев, но зато после легко проситься в другое место, более здоровое и выгодное. Хорошо попасть на постройку железной дороги Амбалема-Ибаге, здесь ощущается недостаток, как в инженерах, так и в рабочих. Некоторые места этой линии возвышаются над уровнем моря до 4000 метров, и здесь уже нужно иметь здоровые легкие и сердце; предпочтение дается говорящим по французски. Если не считать трудно переносимых климатических условий, рабочим живется прилично, отношение к ним очень хорошее и мягкое, в случае заболевания хороший уход, половинная плата. На случай смерти можно кому уго-

дно завещать те 2000 долларов, которые выдаются по смерти лица, не получавшего более 200 долларов в месяц. Помещения рабочих идеальные во всех отношениях.

Курение обходится очень дешево, но зато самые умеренные любители выпить, едва ли что нибудь могут сэкономить на черный день, ибо спиртные напитки очень дороги к тому же очень вредны при этом климате для здоровья.

Во всей Колумбии масса змей и всяких гадов, нужно быть все время на чеку и тогда это не опасно, впрочем в департаменте Антиоквия живет вид змей, которые первые нападают на человека. Любители флоры и фауны могут себя в свободное время великолепно позабавить: великолепная охота, борьба со змеями, ловля рыбы и т. д. Очень многие воскресные дни почти регулярно проводят в поисках за золотом, и нельзя сказать, чтобы этот труд когда либо в той или иной мере не был вознагражден.

Круглый год равноденствие, встают в 5 часов утра, работают с 6 ч. до 11 и с 12 ч. до 5 вечера, в 6 ч. вечера уже темнеет, в 9 часов ложатся спать.

Чтобы попасть в Колумбию III классом нужно иметь 200-250 долларов, II классом 300-350 долларов. Практика в Европе мало расценивается, к каждому присматриваются довольно внимательно и лишь на месте дается оценка тех, или других способностей „гостя“.

Никому не рекомендуется сразу выезжать с семьей, лучше уже обосновавшись, попав на хорошую работу в смысле и оплаты и климата, выписывать семью. Кто имеет жену-врача, может смело выезжать вместе с женой, нострификация диплома врача, неизбежна и обходится в 50 долларов.

Если инженер хорошо ориентируется, изучит местные условия труда, может взять от фирмы определенную задачу на аккорд; бывали случаи, когда предприимчивый инженер зарабатывал до 30 тысяч долларов с 1 километра прокопки дороги. Денег много, а ассигновки довольно щедрые. Производительность труда рабочих-туземцев очень слабая, рабочие очень покладисты, но не терпят заносчивости начальства. Принято отдавать распоряжение в форме: „Будьте любезны, сделайте то-то и то-то“, тогда и само дело выполняется быстрее и добросовестнее. Не раз немцы пытались завести „железную дисциплину“, но от этого во многом проигрывали. Иностранцу не рекомендуется вмешиваться ни в какие недоразумения, драки, при которых нередко пускаются в ход револьверы и длинный нож „макета“. Можно даже обойтись без личного оружия, но все-же иметь его никогда не мешает. Официально ввоз оружия запрещен, но обыску подвергается лишь багаж.

Почти во всех странах консула Колумбии обязаны оказывать содействие в переезде в Колумбию, но, конечно, ни на какие денежные пособия рассчитывать нельзя.

Необходимо с собой иметь запас легкого белья и платья, хорошую высокую обувь. Документы об образовании и всякие свидетельства о той или иной специальности нужно перевести на испанский и должны быть заверены в консульстве.

Для энергичных, способных и выносливых людей Колумбия может сделаться обетованной землей, и за несколько лет здесь можно сколотить себе приличный капитал.

Старый казак (П. А.).

Красная Москва.

(Нечто, вроде фельетона).

I.

*„Над Москвою, великой,
златоглавою, заря алая подымается“.*

Лермонтов.

Была Москва в старину златоглавая.

Называлась она часто и белокаменная.

Теперь Москву называют просто красная.

Но, в том ничего нет и удивительного, что она красная. Для Москвы такое название, собственно говоря, не ново. Ведь, если правду говорить, она и прежде была красная, всегда была красная: красные улицы, красные избы, красные крылечки, красные углы под

образами, все и всюду было — красное. И так, Москва красная не только теперь, она была красная и в старое время.

Но отчего Москва красная?

Отгадать не трудно.

Она была красная в старину, красная стала и теперь — все от одной и той же причины.

Теперь она красная потому, что в ней царят красные комиссары, которые залили ее всю кровью и она поневоле покраснела.

Но и в старину Москву не щадили, а усердно ее кровавили, не хуже большевиков, старые правители.

Заливал ее кровью жестокий изверг и тиран Иван четвертый, со своими безбожными опричниками.

Очень много пролили в Москве крови самозванцы, а также стрельцы во время своего стрелецкого бунта.

Творил дикие расправы над Москвою и заливал ее кровью и Петр I.

Много и еще было всяких правителей, которые постоянно кровавили Москву.

Окровавлена она и нашей казачьей кровушкой.

Там сложили на плахе свои буйные головушки наши лучшие казаки, которые восстали против Москвы за свою правду.

Казаки Москве усердно служили: добывали ей новые земли, завоевывали новые царства, даже сажали царей на Московский престол, а она им головы рубила.

Любила, ох, любила Москва кровь проливать.

И потому мало сказать, что Москва — красная.

Она часто бывала и кровавая.

Через это и сама Москва, время от времени, захлебывалась в собственной крови.

Были такие, что и ее кровавили — выпускали из нее кровь.

Таков закон возмездия — карма.

Какою мерою мерила, такую и сама получала.

Такова была Москва встарь, такую осталась она и по ныне.

II.

„Великий, первопрестольный и святой город Москва“.

Из архивных документов

Но всего сказанного о Москве мало: необходимо к этому и еще добавить.

Москва не только, красная, она еще и — безбожная.

— Почему же она безбожная? Кто либо спросит. — Ведь в Москве одних церквей „сорок-сороков“?

Потому безбожная, что Бога никогда не боялась, людей не стыдилась и запуталась в тяжких грехах, как в репьях.

Безбожная своим лицемерием, своей ложью и неправдой пред Богом и людьми.

Пред Богом Москва возвышала себя как евангельский фарисей: считала себя святою, непогрешимою и примерно христианскою; ставила себя выше Византии и Рима.

А на деле была хуже мытаря, язычника и неверного татарина.

Подобно фарисею, она думала, что вера в Бога заключается в том, чтобы строить храмы высотой до неба, вешать на них сто и тысячу пудовые колокола и жигать в них толстые свечи и неугасимые лампы.

И строила, воздвигала бесчисленные храмы, курьеза в них фимиамы, без конца жгла свечи и без устали была поклонны.

А в своей жизни с подвластными ей народами была жестокая, коварная и несправедливая.

В церквях ежедневно, под звон колоколов, пела хвалебные Богу песни, клялась жить по христиански и любить своего ближнего, как самое себя.

На самом же деле своих ближних считала хуже скотины и постепенно превратила их в рабов.

В других государствах в рабов превращали чужие, иноплеменные народы.

Москва превратила в рабов свой собственный народ и тех, кого называла единокровными и единоплеменными братьями.

А превративши в рабов, мучила их, продавала и на собак меняла; отнимала детей у родителей, развешивала мужа с женой, забивала кнутами и палками на смерть.

Такого жестокого рабства не знала прежде и не было подобного ему во всем мире.

А в церквях своих Москва величалась и превозносилась: „Блаженны милостивые, яко тии помиловани будут!“ „С нами Бог, разумеите, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!“

Но чаша Божией милости и долготерпения переполнилась и наступило для Москвы другое возмездие — новая, вполне заслуженная ею, карма.

За крайнюю жестокость и бессердечие, а также лицемерие и ханжество, которое было равносильно безбожию, воцарилось в Москве настоящее, действительное безбожие.

Отдал Бог Москву в руки безбожных правителей, в руки жестоких истязателей.

Вышли они из ее же среды.

Плоть от плоти ее и кость от костей ее.

Они воплотили в себе всю ложь и неправду, всю жестокость и бессердечие, которые когда либо делала Москва.

Они рождены и воспитаны ею, они же явились и ее истязателями.

И закрыли новые московские правители храмы, запретили лицемерную молитву и воздвигли гонение на пастырей, и на церковь Христову.

И залили дома и улицы, Москвы кровью и завалили трупами.

И получила Москва плату за все свои старые грехи, за всю жестокость, ложь и неправду перед Богом и людьми.

И опять: какую мерою мерила, такую и получила. Даже с лихвою.

Одумается ли Москва и будет ли ей на пользу это Божие возмездие?

Если одумается, признает всех людей своими братьями и протянет им по братски руку — будет Москвою: новою, возрожденною Москвою.

Если не одумается и будет по прежнему коснеть в старом грехе своем против Бога и людей — пропадет прозадом.

Сотрет ее Бог с лица земли и вычеркнет ее имя из памяти людей.

А с нею пропадет и все ее коварство, вся московская ложь и неправда.

Братья-казаки! Читайте и помогайте распространять среди казаков журнал „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“.

Пусть не будет казака, который бы не читал своего журнала.

Читатели, сообщайте в редакцию адреса своих знакомых и приятелей, которые еще не получают журнал „В. К.“

Думы и мысли.

М. Забігало. (Югославія).

НЕМАЄ МЕНІ ЩАСТЯ НА ЧУЖИНІ.

Не могу бути я щасливий на чужині,
Коли Кубань іще й до-нині
Закута кріпко у кайдани,
А всі її сини кохані
Тепер не вільні козаки,
А стали справді кріпаки.

Не могу бути я щасливий на чужині
Коли отам, в моїй Країні,
Козацька вільная земля
Тепер чужая — не своя,
І весь наш бідний Край
Став пекло, а не рай.

Не могу бути я щасливий на чужині,
Коли отам, в моїй хатині,
Триклятий большевик засів,
Гидке кубло собі зробив,
Та й каже: „що тут є,
То все тепер моє“

Не могу бути я щасливий на чужині,
Коли оті московські свині
І досі ще в моїм Краю сидять,
Готові жолуді їдять,
А корінь дуба підривають,
Нікого й не питають.

Не могу бути я щасливий на чужині,
Коли між нами тут до-нині,
Усім на лихо й на біду,
Нема ні згоди, ні ладу:
Один другого, мов собаки, лають,
А про Кубань вже забувають.

25-VIII-29 p.

По поводу одного протеста.

Никому, конечно, нельзя помешать обриваться в костюмы кроя и моды другого народа. Чистокровный парижанин, напр., может по милой воле щеголять в русской косоворотке и сапогах бутылочкой. Даже и со знаменитой балалайкой под мышкой. А какая-нибудь „Княгиня из Маршанской“ показывается на улицах Парижа в банановой юбочке Жозефины Бэкер. — Кому что нравится...

Есть, конечно, и такие, кому нравится наша черкеска. И пусть носят на здоровье. Преступного в этом ничего нет. А что „всяк по своему сума сходит“ давно известно. И протестовать против „присвоения“ нашей черкески подобными ее поклонниками — совершенно излишне. Ибо, напр., присвоитель из Парижа совершенно искренно верит в то, что все настоящие русские ходят в вышитых косоворотках, в сапогах бутылочкой, с балалайкой под мышкой и — с медведем на веревочке. А княгиня Одесская или там Московская „национальный“ африканский костюм представляет в виде связки бананов около пояса. Не знают, но вреда от этого никому никакого.

Но нельзя того-ж сказать о — ставшей в последнее время систематической — „пропаганде“ нашей одежды и „нас“ самих со стороны целых организаций, даже и казачьих, (как напр. случай с группой П. Ященко), которые должны знать (и, безусловно, знают) и нашу „форму“ и нас самих. А между тем искажают нашу одежду до такого безобразия, что случайность этого объяснить никак нельзя. А уж по характеру и социальной роли в б. государстве Российском Кавказские казаки представляются такими „людоедерами“, в сравнении с которыми и хунгузские разбойники — совершенные джентльмены.

Плакаты кинематографов пестрят невероятными черкесками, в которые облеклись артисты и „звезды“, играющие роли „князей из Воронежа“ и „княгинь из орды“, „казаками“ в красных черкесках, с целым арсеналом ножей за широкими поясами и непременно с длиннющими кнутами... Не знают? — Ничего подоб-

ного! Ведь „гвоздь“ фильма первоклассный русский артист...

Играет он (в данном фильме) князя. „Дома этот князь ходит в вышитой косоворотке. С ним его слуга, Васька, в плисовых штанах, с патлами волос „в скобку“, в длинной рубахе из-под купеческого жилета на выпуск. Мобилизация. Князь — в черкеске. Во главе „своих“ казаков влетает в еврейское местечко. Его Васька — вахмистр, с погонами русского городского в черкеске. Князь влюбляется в еврейку и требует, чтобы она пришла к нему на ночь. А верные „свои“ казаки поджигают еврейские дома с их жильцами...

— Все, мол, живьем сгорите, если не доставите свою жиловку нашему князю...

Другой фильм: „Нина Петровна“. И — опять „казаки“, под балалайку отплясывающие фокстрот на столе, они отчаянно размахивают „кривыми саблями“, а между тех сабель вертится „Нина Петровна“ в белой черкеске, белой лохматой папахе...

А вот и еще фильм: „Княгиня из Одессы“. Казалось-бы — тут-то уж при чем казаки?.. А, однако, они в фильме играют видную роль. И, конечно, так-же похожи на казаков, как казаки на эскимосов. Но... но, черкески, ножи, папахи и т. д. фигурируют. Как и „казачьи нравы“. И тысячи зрителей выходят из кино с „верным“ представлением о „казаках“.

А попробуй критиковать — сейчас-же рот заткнут: — Помилуйте: да кому-же и знать русских казаков, если не русским-же артистам и режиссерам?..

Вот так-то с нами всегда было. Всегда нас другие показывали. И показывали такими, какими хотели показать: опричниками, разбойниками, холопами, скomorошными Васьками...

И хорошо поступили казаки, высказав свое возмущение открыто. Но — одного протеста в информационном листе, который читает только ограниченный круг подписчиков, мало. — Ибо, высказанный между немногими своими, он производит эффект кулака в кармане, которым грозил немец, улепетывавшему на его коне конокраду...

Не нужно, конечно, никакого афиширования. Но давно бы уж пора перестать и со самодумством. Думками то мы богаты и думаем одно и то же. А вслух — разноречивой. Ибо приспособляемся к тому, что о нас говорят другие. Как другим нравится.

Не нужно кричать о себе, но и замалчивать преступно. А мы — не то чтобы отреклись от своего родного имени — но, просто — отмалчиваемся; оправдывая это: не желаем вмешиваться в политику. А как раз это-то замалчивание и есть политика, но „политика“ воробья в когтях кошки, прыгнувшей с крова.

— Вместе, мол, полетели...

И потому нас особенно радует призыв казаков:

„Протестовать всеми мерами и средствами против такой (заведомо ложного представления казаков В. К.) провокации“.

— „Нельзя молчать!“ говорят подписавшие протест (см. „Кав. Казак“, 1-8-1929).

И мы с ними вполне соглашаемся.

— Нельзя молчать. Преступно молчать!

Вл. Куртин.

Р. С. От ред. Мы понимаем тех, кто протестует. Но, кто услышит наш протест?

Протестовать надо иначе. Что касается фильма, то надо скверному чужому фильму о казаках противопоставить хороший свой фильм о казаках и Казачестве. До сих пор казаков в фильме показывали чужие. Надо, чтобы казаки сами себя показали. Казакам уже давно пора поставить себе задачу создать хороший казачий фильм, правдивый фильм. Фильм сейчас — самое лучшее орудие пропаганды. Казаки должны подумать об этом, подумать о том, как использовать это великое оружие в своих интересах, как бороться с пропагандой казачества в кривом зеркале. Надо начинать с либретто,

надо создавать либретто из казачьей жизни. Хорошее либретто может найти своего режиссера.

Фильм должен быть красивый или захватывать. Правда казачьей действительности может с успехом удовлетворить этим требованиям. В жизни и истории Казачества есть много моментов, которые могли бы послужить прекрасными темами для фильмовых либретто.

Пусть наши казачьи писатели и поэты подумают над этим.

Донскому Атаману.

Донской Атаман, генерал Богаевский, в Парижской газете „Возрождение“, № 1522, в статье „Казачество и самостоятельность“ высказал свою мысль о самостоятельном казачестве, конечно начиная с того, что будто бы казачьи генералы не поделили тех польских грошей, которые получили в виде подачки и упрекнул одного генерала, что он окончил академию генерального штаба, который в боях был ранен несколько раз и потерял глаз. Значит, те генералы с честью и достоинством защищали родину в общем, а что и какую награду получили? В конце концов против этих генералов мобилизовали два военных округа.

„Теперь неужели ради денег забыта честная служба, спрашивается, почему же тогда молчали, когда Россия была сильна“. А позвольте вас, ваше превосходительство, спросить, почему же вы тогда молчали, когда избирали Донским Атаманом, что вы против того, Донской Край — самостоятельный Край и управлялся самостоятельно, имея свое правительство (председателем которого вы были), свое денежное обращение, свою армию и „своей простой, но стройной системой“ (это ваши слова) управлялось постановлениями своего, Донского Круга.

Дальше вы пишете, что имели беседу с казаками лично и в письмах. Вам, значит, лично казаки не возражали, а ответ давали в своем „журнальчике“ „В. К.“, да еще под псевдонимом. Значит вы сами признаете, что вам казаки возражали и с вашими доводами не соглашались. Правда, писали под псевдонимом, это верно; „чем черт не шутит“, а вдруг, когда-нибудь „пригнут к ответу“? Если притянули бы к ответу публично; к казачьему суду, то дело другое, а то мы знаем и при нашей памяти, кто и как судили Кулабухова в Екатеринодаре, еще лучше судили Рябовола в Ростове.

Да, много пролито казачьей крови на охрану и расширение границ России, но что за это получили казаки? Правда, присылали грамоты в подтверждение старых прав, что давно принадлежало казакам, и они только подтверждали то, что они нарушали, а теперь, значит, нужна казачья помощь и вот вам за это грамота.

Пишете: „попробуйте разобраться где границы казачьи, а где границы Астраханской и Ставропольской губерний“. И это очень хорошо казаки понимают, что все это строилось умышленно, разрезывали казачью землю, как теперь поступают и большевики; нагнали в казачьи станицы из центральной России неказачьего элемента и стараются расказачить станицы, точь в точь как и старое правительство.

Ваше превосходительство, да позвольте же у вас спросить, а сейчас во главе Советского правительства кто стоит? А сейчас же по свержении большевиков кто же опять думает стать у власти, не те ли старые министры и губернаторы? И что вы думаете, они, эта российская власть после большевиков, не будет угнетать казачество и не мешать его нормальному развитию (это ваши слова) и что „казачество нужно России“. Только последние слова верны, что казачество нужно России, а угнетать и преследовать будут с усиленной энергией.

И сейчас при разговорах казаки постоянно слышат от российских людей только угрозу по адресу казачества. Почему в 1918 и 1919 гг. не поднимался вопрос о горах золота в погребах казначейства, а денежный станок работал и Донской рубль охотней брался чем Добровольческий, не имевший никакого золота и даже территории.

Вы приводите ряд своих доказательств, что казаки не думали отделяться от России и даже свою армию

подчинили г. Деникину, который и подвешивал казачьих депутатов, не спрашивая ни Рады, ни Круга. Но и это еще не показывает, что Войсковой Круг и Рада подчинились опять старым генералам и министрам со всем своим самостоятельным управлением. Ведь в критическую минуту мировой войны Англия и Италия подчинили свои армии французскому генералу Фошу, но этим они не подчинились Франции и не стали одним государством — Французским.

Казачьи правительства успешно справлялись с своей трудной задачей управлять самостоятельно Краем. А разве после свержения большевиков нельзя будет управлять Краем, когда все население поняло свою обязанность поддерживать свои Края самостоятельно, а не нуждаться в опеке.

Думаем мы, казаки, находящиеся в эмиграции, что там на Родине у нас осталось больше и те лучше нас поняли, какое добро для них казаков желают правители из Москвы. Атаман пишет в своей статье, что никакая Российская власть после большевиков не будет угнетать казачество и мешать его нормальному развитию. Нет, мы, казаки, не верили и не поверят и те, кто остался на Родине. Что так будет, мы знаем много примеров из истории казачества и за время противобольшевицкой войны.

Что мыслят старые губернаторы, которые опять хотят придти к власти, нас не интересует.

Казаки хотят жить своей самостоятельной жизнью и программа лиц, взявших на себя трудную задачу — издавать мысли и чаяния всего казачества, есть наша программа, мы, казаки, „журнальчик“ „Вольное Казачество“ поддержим и никакие неприятности в семье казачества нас не свернут с той мысли, что казачество должно быть самостоятельно, ибо всякие недоразумения, вольные и невольные, всегда были и будут и не только в такой большой семье, как казачество, но даже в родной, своей семье бывает все.

А потому привет от казаков издательству „Вольное Казачество“.

Старый донской казак, А. Шап-ков (член Д. В. К.).

Перуанский вопрос для калмыцкой эмиграции.

На наших глазах в жизни казачьей эмиграции происходит важное событие: вслед за группой казаков, которые, под командой генерала Павличенко, выехали в Перу и нашли там хорошее устройство, зашевелилось и заворшилось все эмигрантское казачество и в ближайшем будущем возможно переселение туда же более значительной его массы.

Казачьи общественные деятели и общественные организации, впервые „бросив политику“, всерьез занялись вопросом: как казачьей массе прочно сесть на землю.

Кроме того, мы имеем точную информацию от самих переселившихся казаков, которая помещена почти во всех казачьих журналах, а также в Сербии частные лица получили письма от своих уехавших друзей, содержание которых быстро распространяется среди казаков, волнуя и будируя их мысль.

Рядовая казачья масса, после девятилетней, беспросветной, малорезультатной, фабрично-заводской работы, работы на шахтах, шоссе и железных дорогах и на постройках по городам Европы, увидела в устройстве в Перу возможность найти полезный и приятный вид труда, который в результате может дать обнищавшим казакам возможность вернуться домой, на родину, не с пустыми руками.

Правда, родина нам всем мила, но голым и там плохо, одно наше возвращение еще мало что даст. Поэтому, само собой разумеется, что такое крупное событие среди казачьей эмиграции не может не обратить на себя и наше, калмыков, внимание.

Мы, калмыки, тоже, несмотря на девятилетнее пребывание в Европе, в условиях непрерывного труда, все еще являемся в материальном отношении такими же ничтожными неимущими беженцами, какими были и в первые годы.

Отсюда ясно что сколько бы мы ни находились в этих условиях в Европе, ничего в хозяйственном смысле не добьемся. Слишком здесь тесно. Слишком перенасыщен здесь рынок человеческого труда, а частые безработицы, в первую очередь ударяя по нашему брату, уничтожают и те небольшие сбережения на „черный день“, которые кое-кому удается сделать.

Кроме этого, виды здешнего труда, губельно отражаясь на нашем физическом здоровье, не оставляют без известного влияния и наше массовое моральное здоровье, нашу душу.

Поэтому и мы, калмыки в эмиграции, должны искать здоровый, нормальный для нас труд, который, будучи привычным, дал бы в результате кое-что на случай возвращения на родину, чтобы было с чего начать там хозяйство, не разбредаться по возвращении по мужичьим селам в поисках пастушеских мест. Пора нам перестать жить иллюзиями, что вернемся домой и что тогда все само собой устроится и вернется прежнее благополучие. Во первых, возвращение теперь зависит не только от нашего желания, но и от разрешения наших победителей-большевиков, которые очень неохотно нас принимают; во вторых, самый факт возвращения не может никоим образом вывести нас из бедственного положения. Ибо, у многих из нас ничего кроме приятных воспоминаний, там уже нет. Единственный и непреходящий результат возвращения при большевиках (что так усердно проповедует Кушлынов) то, что возвращенцы оказываются в условиях безработной страны на положении гонимых, третьесортных граждан, на которых в первую голову сыпятся все дикости нынешней, нечеловеческой власти политических фанатиков. Поэтому нам необходимо теперь же, здесь же, в эмиграции, поискать путей и способов выбраться из настоящего печального и губельного положения.

В этом смысле Перуанский вопрос является для нас неожиданным, благоприятным случаем, который и может вывести нас на хороший хозяйственный путь. Если мы без внимания пропустили бы этот случай, то другого такого случая может больше и не представиться. Случай этот представляется только казакам, „благодаря хорошему впечатлению, которое произвели казаки первой группой на Перуанское правительство. А мы, калмыки-казаки, всегда с честью носившие это имя, всегда безропотно разделяли с казаками нашу общую долю, какова бы она ни была. Конечно, и теперь мы можем своим правом воспользоваться.

Мы не говорим, что нужно „с бухты в баракху“ записываться и, сломя голову, ехать. Мы только обращаем внимание калмыков на этот вопрос, предлагаем поинтересоваться этим делом, тщательно обследовать и, может быть, в большем или меньшем числе придем к решению последовать примеру казаков. Само собой разумеется, что в этом деле, как и во всяком другом, найдутся лица, которые имея ту или иную прочную связь в Европе, будут говорить против использования нами Перуанского случая, разрешая этот вопрос применительно к своему положению. Поэтому нужно трезво и осторожно относиться как к предложениям за, так и против.

Думается, что один из аргументов противников этого переселения будет ссылка на дальность расстояния и неизвестность страны. По нашему мнению, в наше время, при теперешних средствах передвижения, никого не должна пугать дальность расстояния. Если будут деньги, то из Перу мы доедем домой скорее, чем из Франции или Сербии без денег.

Страна же эта не неизвестная, перед нами есть хороший опыт наших казаков, так что открывать Америку нам не придется, а только нужно найти в себе смелость последовать за хорошим примером смелых людей и достигнутыми результатами.

Ведь было время, когда путь от Платовской до Граббевской казался очень далеким; однако, когда настал момент, мы с успехом проделали путь от берегов Маньча до центра западной Европы, тоже нам в то время неизвестной. Да еще в каких условиях его проделали! Так что и в этом смысле нет оснований иметь какой-либо страх.

Девять лет большой срок; однако мы уже прожили здесь этот срок и еще неизвестно сколько проживем. Коммунистическая власть все еще сидит, а при ней, во всяком случае половина нашей эмиграции не может вернуться на родину, да и на родине, повторяем теперь далеко не то, что было раньше.

Доктор Эренджен Хара-Даван, Александр Абушинов, Санжа Цуцуков, Петр Михайлов и Санжа Балыков.

Дорогие Станичники!

Разрешите и мне, Уральской казачке, сказать несколько слов о значении нашего казачества, в полном смысле слова единого и неделимого, славного казачества. Наше историческое прошлое дает нам, казакам, право гордиться собою. Мы, казаки, — лучшие сыны своей отчизны. Как дети одной великой казачьей семьи, мы должны все считать себя равными, независимо от того, кто образован и кто нет, беден и богат. Мы не должны брать пример с тех, которые хотя и кричат всюду, что должно быть единение, а сами не соблюдают этих простых правил, являющихся цементом для соединения отдельных частей массы в одно целое и могучее тело.

Антонина Козлова.

Не один раз мне в прошлом году пришлось видеть в русской колонии, как грубо и с презрением члены колонии относились к приходящим по делам казакам.

Но это понятное явление, они и раньше так обращались с русским мужиком, но до чего это довело, вы станичники видите сами.

Но и это им не послужило наукой. Не имея здесь в изгнании мужиков, на которых можно кричать, и которые терпеливо могли ждать у порога, они хотели это проделать с нами казаками. Но они ошиблись.

„Казак не раб, он горд, самолюбив, и гордость его вполне здоровая, нормальная гордость свободного человека, хотя бы был он беден“...

Не „интеллигентен“ может быть и да, но зато от природы одарен умом, который, как природный нормальный дар, стоит выше иной искусственной выучки.

Все напускное — поверхностное, это ведь только лак и позолота.

Они нас ненавидят, зная нашу силу единения, и их цель разбить нас своими интригами, на которые они большие специалисты.

И последняя моя просьба к вам, казакам: меньше внимания картузам, а больше своему обще-казачьему делу.

Так дальше же от них!

Стремитесь к своему укладу жизни, к своим станицам, к своим Атаманам и вообще к родному Великому Единому и Неделимому Казачеству.

Так пожелаю же Вам, всем казакам, Многая Лета!

Уральского Казачьего Войска, станицы Мухрановской:
Антонина Петровна Ковлова, 15 лет.

Скоплье.

Казаки о „В. К.“

(Из писем в редакцию).

I.

Милостивый Государь,
Господин Редактор!

Мне случайно довелось достать несколько номеров Вашего журнала „Вольное Казачество“ и я с большим интересом и удовлетворением читаю их. Я, как истинный казак, но не принадлежащий пока ни к одной из политических партий, кроме „Казачество под водительством выборного Войскового Атамана“, тем не менее желаю полного успеха каждой той партии, которая работает чистосердечно на счастье и славу родного казачества. Мне приходилось так-же читать и другие казачьи периодические журналы, где как будто-бы тоже говорят о счастье казачества, но между прочим придерживаются и своей личной политики — шуры и входят в полемику с другими казачьими журналами, считая их „вредными“... И вот теперь я, да и много других единомыслящих со мной казаков, в недоумении от такой полемики-политики. Я думаю, раз казачьи журналы издаются ради казачьего счастья и славы, то и должны говорить одним языком и думать одну думушку.

Я ни к кому из политических людей (кроме коммунистов); не питаю злобы, ни мстительных чувств. Я высоко ценю казачество и тех людей, которые стараются о его интересах. Я желаю для казачества величия. Я

верю, что скоро настанет то время, когда засияет, та звезда, что ярко так светила еще до Екатерины, что казачество снова будет свободное — вольное.

Казаки гордо держат свои головы, а ухо остро. Я считаю, что все сотрудники Вашего журнала „Вольное Казачество“ взявшие на себя его имя, должны быть на высоте своего достоинства, ибо шуток казаки, в лихую годину не знают, честно службу выполняют и несут свой долг.

Видя Вашу искреннюю, плодотворную работу, казаки оценят и станут помогать и развивать Вашу благороднейшую идею, а всем остальным „доброжелателям“ скажут смело: „Прочь, нечестивые, от казачьей души“...

Господин Редактор, у меня да и у многих казаков, которые возле меня, такие-же думки, как и в Вашем журнале „Вольное Казачество“. Читая его, я рознажаю свою казачью душу, сердце мое радуется, что есть еще люди, которые пишут о казачестве, о его славе и счастье. Ну и слава Богу. Пусть Ваши думки еще шире и быстрее распускаются и веселят наши казачьи души. А когда настанет час и Рідний Край позовет нас строить свое родное Казачество, то за него казаки душу и тело положат...

Читая Ваш журнал, я слышу крик братьев казаков, что их грабят, а „доброжелатели“ хотят надеть стальное ярмо. Я всецело к этому крику присоединяюсь и еще раз хочу сказать „Прочь руки от казачества!“

Да здравствует Вольное Казачество, ура!

С искренним почетом Гр. Таманец.

II.

... Журналом мы очень и очень довольны. Это действительно журнал, который полезно каждому казаку побольше читать и тогда ни один казак не потеряет казачьего духа...

Пошли Бог счастье и процветание нашему дорогому журналу „Вольное Казачество“, а инициаторам и сотрудникам его мы здесь, в Балканских ущельях, прокричали громкое ура!

Хуторской атаман И. Федаш.

Писарь И. Шевченко.

Международная жизнь.

Смерть Штреземана.

Штреземан принадлежал к числу тех людей, смерть которых составляет международное событие: вся история послевоенной Германии тесно связана с личностью ее министра иностранных дел. И эта личность сумела с достоинством сыграть роль, возложенную на нее историей. В худшие дни для Германии, в дни рурской оккупации, Штреземан не побоялся стать во главе правительства, чтоб опытной рукой вести свою страну по пути возрождения. Принадлежа к партии умеренно-правых, он всегда находил в себе достаточно сил, чтоб не поддаваться партийным настроениям, но всегда думать о благе всей своей родины. С чисто немецкой методичностью Штреземан отвоевывал шаг за шагом потерянное положение Германии в международной политике. Локарно и Женева, эти видные этапы на пути возрождения пораженной страны, в значительной мере созданы руками Штреземана. Вступление в сентябре 1926 г. Германии в Лигу Наций — это тоже дело рук Штреземана. На его достижениях в области международной политики было построено и все финансовое хозяйство страны, ибо вера в золотую марку была верой в государственную мудрость лучших мужей Германии, одно из виднейших мест среди которых занимал Штреземан: те, кто финансировал Германию и помог ей выбраться из хаоса безденных бумажных денег, всегда могли быть уверены, что доколе внешняя политика их должника находится в руках Штреземана, Германия не станет на скользкий путь идей реванша и подобных опасных экспериментов.

Человек компромисса, Штреземан всегда был под-

вергаем нападкам с двух противоположных сторон: правые его обвиняли в уклонах налево, левые вечно подозревали его в старом шовинизме и реакционности. Внутриправительственная борьба хронически усложняла положение Штреземана, но он делал свое дело. Он умер накануне довершения дела всей своей жизни — ликвидации рейнской оккупации, символа поражения Германии. Трезвость, методичность и настойчивость, — вот те качества умершего политика, которые нашли себе всеобщее признание.

Переименование Королевства С. Х. С. в Югославию.

Последняя административная реформа и королевский указ о переименовании Королевства С. Х. С. в Югославию показывает лишний раз, что народ не ошибся в своих надеждах, когда актом 6 января 1929 г. Король Александр взял бразды правления непосредственно в свои руки. Политические распри сменились позитивной работой на благо государства. Последний указ от 3 октября является важным этапом этой работы. Новое административное деление страны является возвращением к историческим, самобытным административным единицам, стертым за годы германизации Балкан. Значительная доля децентрализации, вводимой новым указом в то же время скрепляет единство страны, как государственного целого.

То воодушевление, с каким отзываются о реформе на страницах европейской прессы представители королевства за границей, свидетельствует, что действительно югославский народ проникся под мудрым правлени-

ем своего короля духом оптимизма и смело смотрит в будущее. Новый административный строй открывает перед Югославией новую светлую страницу истории.

„Инцидент“ у парижских большевиков.

Инцидент на рю Гренелле в Париже с советником советского посольства Беседовским представляет мелкое, но характерное событие. В самом деле, ведь прыгание через заборы и удирание заместителем послов из здания посольств от представителей политической полиции собственного государства — явление незаурядное. Тем оригинальнее делается весь инцидент, когда заместитель посла сам просит французскую полицию о нарушении экстерриториальности посольства и извлечении оттуда из лап Г. П. У. своей семьи. Такие милые

„бытовые сценки“ поистине должны шокировать всю мировую дипломатию. Они чрезвычайно характерны для советских порядков. В дни, когда Москва делает ставку на возобновление дипломатических сношений с Англией, такие трюки в ее заграничных представительствах едва ли будут способствовать престижу большевиков.

Трудно доказывать миру, что „и мы не хуже других“, когда нравы в советском министерстве иностранных дел делаются предметом гласности. Еще труднее становятся подобные доказательства, если сами советские представители за границей возмущаются „эксплоатацией крестьян“, „насилованными выборами“ и „режимом диктатуры, сеющим нужду как в городах, так и в деревнях“ и заявляют об этом своим иностранным коллегам.

Казачья эмиграция.

Редакция журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“ поздравляет все Казачество со все-казачьим праздником Покрова Пресвятыя Богородицы.

Книга стихов Юрия Гончарова.

Редакцией журнала „В. К.“ выпущена в свет первая книжка сочинений покойного Юрия Федоровича Гончарова — книга стихов. Напечатано 520 экземпляров. Из них сто экз. передано в распоряжение Правления Общеказачьей студенческой станицы в Праге с тем, чтобы вырученные от продажи деньги пошли на сооружение памятника покойному поэту.

Остальные 400 экз. поступили в продажу (цена 10 к. ч.). Решено, что все вырученные от этой продажи суммы будут зачислены в фонд для издания второй книги сочинений Ю. Гончарова, — книги рассказов.

Казак в фильме.

В Ницце, в киностудии „Франко-фильм“, известный русский режиссер А. А. Волков крутит фильм „Белый дьявол“. Сценарий написан по повести А. Н. Толстого „Хаджи Мурат“.

Кавказ с крутыми скалистыми горами, война с Шамилем, аулы Дагестана, казаки — авангард русской армии — все это нужно передать на ленту и так, чтобы было вполне реально и действительно.

Джигит Бондаренко.

Само собой разумеется, что без казаков не обойдется, а потому еще задолго до приезда Волкова в Ницце началось волнение среди эмиграции.

Стали выплывать на сцену вновь сострепанные казаки „14-го войска“, образовались довольно подозрительные организации, записи, а за взятку так выдавались и рекомендации.

Дирекция же фильма предусмотрительно ангажировала в Париже группу джигитов полковника Яшенко, пригласила из „La Vossa“ хор лейб-атаманцев с регентом Д. Косоротовым, части казаков хутора La Vossa с атаманом В. Сидоровым, и подписала контракт с несколькими кубанцами, не входящими ни в какие организации, как например: с Бондаренко, Овсянником, Макеевым и Шпигановичем.

Все батальные сцены снимались в Альпах, в 60 километрах от Ниццы. Маленькая деревня, прилепившаяся, как ласточкино гнездо на склоне почти отвесной скалы, занята была дирекцией, артистами и фигурантами. Теснились до невозможности. Спали на полу, на соломе, в сараях, но все чувствовали себя здоровыми, свежими, бодрыми. Горный воздух укреплял нервы, удваивал аппетит и создавал весело-бывуачное настроение с песнями и танцами.

С раннего утра одевались в положенные для сцены костюмы, забирались в „кавказские“ труппы по горным узеньким тропинкам и начинали не трудную, но нудную, а подчас и опасную работу.

Бывали дни, когда костюмы менялись по три раза. То изображается рота солдат в белых фуражках и гимнастерках на походе с песнями и барабаном, впереди которой лихо танцует „казачка“ Женя Кунаков с артистом Серовым под веселую песню лейб-атаманцев, то сотня лейб-казаков в красных мундирах, в высоких черных киверах преследует Хаджи Мурата, то Хаджи Мурат со своими черкесами скрывается от погони, несся, как вихрь на белом коне по крутым горам и козьим тропам.

Бондаренко играет роль мюрида при Хаджи Мурате и за свою смелость и лихость пользуется большой любовью у дирекции. Макеев — в роли казачьего офицера и в то же время заменяет Мозжухина во всех опасных сценах. Овсянник — казачий эксперт при Мозжухине.

В общем на первом плане везде казаки. Отношение к казакам самое превосходное со стороны дирекции, а особенно доволен Волков. На одном банкете в присутствии своего штаба и артистов Волков сказал:

— Я ехал из Берлина с тяжелым камнем в сердце. Мне казалось, что я взял на себя трудную задачу, которую невозможно выполнить, но благодаря казакам задачу решил очень легко. Поднимаю бокал за здоровье казаков от всего сердца приношу им благодарность и желаю счастья, сил и здоровья в тяжелые дни изгнания. Слава о казаках не умрет никогда!

В этих словах кино-режиссера ярко подчеркивается та роль, какую сыграли казаки в фильме. Жаль только, что съемки кончаются и многим казакам нужно будет возвращаться на заводы и фабрики...

Макеев.

Из жизни калмыцкой эмиграции в Ч. С. Р.

(Краткий очерк о деятельности Калмыцкой Комиссии в Чехословакии).

(Окончание).

В осуществление своей первой из поставленных целей Комиссия приступила к собиранию калмыцкой молодежи в целях дать ей образование. И при благородной моральной и материальной поддержке Чехословацкого правительства и общественности в этом отношении Комиссия достигла значительных успехов: ей удалось собрать около 60-ти детей и определить их в гимназию; несколько молодых людей разместить по Чехословацким высшим учебным заведениям; около двадцати человек пропустить через специальные школы. В настоящее время имеется девять студентов-калмыков в Праге из коих один в прошлом году окончил, другой в этом году окончил, а двое в это же году оканчивают; около тридцати гимназистов, из коих в этом году окончили трое.

Число окончивших и поступивших в высшие учебные заведения калмыков могло быть гораздо больше, если нехорошее, чтобы не сказать больше, потворство воспитателя гимназии Б. Кушлынова естественной тяге „домой“ учащейся молодежи. Этот господин, играя на большой струнке тоскующей по Родине души учеников, рисуя в своих беседах с ними заманчивую картину хорошей обстановки школьного дела в СССР, указывая на возможности просто достигать блестящих результатов, — охлаждал у учеников охоту преодолевать трудный, долгий гимназический курс. Создалось настроение: „там“ люди прямо с приходской школы поступают в высшие учебные заведения, а мы здесь восемь лучших лет убиваем в гимназии.

Отсюда у некоторых учеников родилось безразличное отношение к своему учению, отставание, а в результате — исключение из гимназии. Часть таким образом оставивших гимназию учеников стараниями и усердием ходатая перед Советской Миссией Кушлынова уехала „домой“, а большая часть заботами Комиссии была устроена в профессиональные школы.

От того, возможно ли будет (материально) юношам-калмыкам завершить свое образование в Чехословакии, будет зависеть и появление давножданного кадра калмыцких культурных работников. Комиссия учитывает, что, если благоприятные условия позволят калмыцкой молодежи завершить здесь свое образование, их культурные силы будут иметь приложение не только среди калмыков в Европе, но и среди братьев наших в далекой Азии... Но и при настоящем результате обучения калмыцкой молодежи в Чехословакии, без преувеличения можно сказать, что ее появление есть историческое явление в жизни Калмыцкого народа, ибо такого явления еще не было в его жизни.

Собирание калмыцкой молодежи, размещение ее в чешских школах различных типов, постоянные заботы об учащихся, как в период обучения, так и после него — вот главный объект работы Комиссии. Эта задача настолько важна для жизни калмыцкого народа, что Комиссия обязана принимать все меры, обращаться ко всем учреждениям и лицам, чья отзывчивость, сочувствие, понимание могут помочь важнейшим национальным задачам Комиссии.

Следующей большой задачей Комиссии было создание национальной калмыцкой литературы. В этой своей работе Комиссия обязана была, насколько возможно при сложившихся условиях, заняться собиранием и записью памятников калмыцкого народного творчества, собирать, где возможно, образцы калмыцкой национальной литературы, а одновременно с этим и литературу о калмыцком народе и других родственных ему народах. Ибо только в этих памятниках калмыки могут почерпнуть неиссякаемый источник духовного творчества многих тысяч поколений своей нации.

Комиссия и действует в указанных двух направлениях: ее сотрудники записывают калмыцкие песни, сказки, пословицы и т. д. Но в условиях эмигрантской жизни эта работа трудна, ибо калмыцкая эмиграция группами разбросана по различным государствам. Командировать своих сотрудников Комиссия, по отсутствию

средств, не может. Хотя это можно делать отчасти через заграничных сотрудников-калмыков, но и объект записи, как и сотрудники Комиссии, в поисках за куском хлеба почти непрерывно заняты тяжелой повседневной работой, почему работа по записи чрезвычайно затруднительна.

Вместе с тем для надобностей переводов и надлежащей подготовки калмыцких интеллигентных работников создана библиотека из тщательно подобранной разнообразной литературы. К настоящему времени в распоряжении Комиссии находится библиотека почти из 1500 томов.

Через знакомых ученых востоковедов-монголистов Комиссии удается достать весьма ценные образцы калмыцкой литературы, как отчасти и литературу о калмыках, монголах.

В 1924 году Комиссия устроила при любезном согласии проф. Львовского университета Вл. Л. Котвича трехнедельные курсы по истории монголов, калмыков, калмыцко-монгольской литературе и грамматике для членов комиссии, учащихся (старших). Эти курсы имели большое значение для национально культурной работы.

В 1926 году комиссия принимала участие в международном съезде библиотекарей и друзей книг, где принимали участие представители более двадцати европейских государств и эмигрантские организации: русские, белорусские, украинские и казахи. Выставленная на международной книжной выставке библиотека комиссии обратила на себя внимание знатоков книг своим хорошим подбором. Выставку посетил Президент Чехословацкой Республики Д-р Т. Г. Массарик, обративший свое внимание на калмыцкие книги, которому Комиссия поднесла изданный ею 1-й выпуск хрестоматии „Хонхо“.

Комиссия делала на культурных вечерах и собраниях много самостоятельных и совместных с другими организациями выступлений перед чешской и эмигрантской общественностью, знакомя ее с калмыцким бытом и особенностями. И эти выступления всегда вызвали интерес и сочувствие. В 1926 г. на вечере в день праздника „Цаган“ члены Комиссии и учащаяся молодежь поставили на сцене пьесу „Пленение Хонгора“ из поэмы „Джангар“ (переделка Д. Н. Баяновой). Исполнение собственными калмыцкими силами калмыцкой именно пьесы — первый случай в жизни калмыков, по крайней мере донских. Это, можно сказать, начало зарождения калмыцкого театра.

Выполняя свои основные цели и пользуясь всеми выше перечисленными факторами и постоянными авторитетными указаниями Проф. Котвича, Комиссия издала пять томов книг на своем родном языке. Издания эти состоят из трех выпусков калмыцкой хрестоматии „Хонхо“, одного тома истории Калмыцкого народа и повести „Капитанская дочка“ Пушкина. Книги снабжены портретами, в хрестоматиях имеются оригинальные вещи и переводные. Два последних труда переведены с русского — первый Ш. Балиновым и второй — Д. Н. Баяновой. В этом году Комиссия издала шестую книгу: „Опыт грамматики Калмыцкого разговорного языка“ проф. В. Котвича.

Все эти книги отправлены по всем колониям, где живут калмыки за границей, часть их отправлена также на Родину. Удалось образцы их передать представителю братского нам монгольского народа в Германии для переправки в Монголию, Бурятам. В настоящее время имеются уже окончательно подготовленные материалы для IV выпуска хрестоматии. Кроме того в распоряжении Комиссии имеются материалы достаточные для многих выпусков.

Не ограничиваясь вышеуказанной издательской и культурной работой, комиссия с целью заложить начало калмыцкой публицистике, периодического информационного печатного органа, в 1927 году издала первый национальный печатный орган „Улан Залат“ (т. е. те, что носят красный хохол или султан на головном уборе) на русско-калмыцком языке.

До сего времени Комиссия издала только два номера журнала „У. З.“. Отсутствие материальных средств пока лишает возможности продолжать дальнейшее издание указанного журнала, но комиссию радует и все-

ляет надежду на будущее несомненное пробуждение интереса калмыцкой эмигрантской массы и отдельных лиц к деятельности комиссии и в частности к делу издания журнала. Из трудовых грошей своих калмыки-эмигранты в распоряжение комиссии шлют не одну сотню крон.

Личный состав комиссии состоит из 18-ти членов и 8-ми заграничных сотрудников и многих сотрудников эпизодических и сочувствующих. По своему образованию из 18-ти членов комиссии четверо с высшим образованием (один из них с духовно-религиозным); четверо с военным образованием, из коих двое б. народные учителя; девять студентов и один с домашним образованием.

Во главе комиссии стоит Президиум в составе Председателя Б. Н. Уланова, заместителя председателя С. Б. Баянова и секретаря Ш. Н. Балинова. Постоянный рабочий аппарат состоит из Председателя Уланова, секретаря Балинова и делопроизводителя Балыкова С. Б. (последние два являются каллиграфами на калмыцком языке).

Нет сомнения, что достижения комиссии в условиях эмигрантской жизни значительны. Но также нет сомнения, что без благородной помощи представителей Чехословацкого народа и его общественности калмыцкие деятели не могли бы так организовать, так развить свою национально-культурную работу.

При дальнейших благоприятных условиях у комиссии есть уверенность собрать и сплотить в одну прочную культурную семью всех калмыцких культурных работников и настолько развить культурную работу, чтобы ее результаты могли стать достоянием не только широкого круга наших братьев в эмиграции и на Родине, но пробудил бы национальное сознание и духовный интерес наших братьев в Азии.

Ш. Хо — Б.

От редакции.

В прошлом номере „В. К.“ в статье П. И. Кокунько допущены некоторые досадные опечатки. Следует исправить так:

После слов: „Яку хочу, яку знаю, такую играю“ вместо: „Конечно, на такого человека, обязанного по обязанности защищать Войско“... следует читать: „Конечно, на такого человека, обязанного по должности защищать Войско“...

На стр. 16, в столбце с левой стороны, в 14 строк снизу, вместо: „являясь фактическими хозяевами“ следует читать: „являясь фиктивными хозяевами“...

В конце статьи, вместо „полк. П. П. Буряк... сказал“, следует читать: „полковник П. П. Буряк, указывая на его портрет, говорил“...

В Казачьих Землях.

Снова расстрелы.

Редакцией „Вольного Казачества“ получены сведения, что недавно на Дону, казаками станицы Зотовской было открыто проявлено недовольство Соввластью на почве хлебозаготовок. В связи с этим власть арестовала 20 казаков. На защиту арестованных станица подняла восстание, в результате которого было расстреляно 120 человек и много сослано на Соловки.

Бумажное хозяйство.

Сев уже начался, а в канцеляриях все еще планируют — „своевременно“ подшивают к делу. Под таким заглавием напечатано в „Экономической Жизни“, 5 сентября, сообщение майкопского корреспондента газеты, пишущего о том, что в окружном комитете обсеменения всегда могут паразитировать своевременной дачей на места приказов. Но места всегда поражают тем, что никогда их не выполняют к сроку. И это вошло в систему. Обычно, в станице, получив директиву, лишь „своевременно“ подшивают ее к делу и ждут от округа толчка в виде инструкторской проверки. Но эта проверка из года в год „сугубо“ плетется в хвосте и, как говорят сами казаки, производится „в свинячий голос“.

Многие сельские комитеты обсеменения не имеют еще планов осенней кампании. А там, где имеются эти планы, они дальше папок станичных канцелярий еще не уходили. Ни группы бедноты, ни общегражданские собрания еще планов не видели. За редкими исключениями, еще и не думали по станичным комитетам составлять списки хозяйств, нуждающихся в запашке земли и денежных судах.

С ремонтом сельскохозяйственного инвентаря не спешат. А если где и приступили к ремонту, так делают это головоутиям способом. В станице Пешехской станичный комитет отправил в ремонт трактор, а прицепной плуг к трактору задержал. Когда вышел из ремонта трактор, отправили плуг, а трактор вынужденно бездействует в ожидании плуга.

Сбор семенного фонда для нуждающихся в помощи стоит на точке замерзания. В станице Пешехской вместо 707 центнеров собран всего один центнер. в ст. Ханской вместо 667 центн. собрано 20 центн.

Товарный голод в станицах.

„Экон. Жизнь“, 4 сентября, сообщает в письме своего северо-кавказского корреспондента, что в этом году, по примеру всех предшествующих советских лет, потребительский спрос станиц был гораздо большим, чем количество присланных „из центра“ товаров. Огромный и далеко не удовлетворенный спрос предвещает станица на фабричные сапоги. Исключительно напряженное положение испытывает северо-кавказский рынок в отношении эмалированной посуды, станичный спрос на которую советская кооперация совершенно не в состоянии удовлетворить. Продасиликат систематически не выполняет своих обязательств по снабжению северо-кавказского края этим товаром.

Вообще, пишет корреспондент, за исключением одной текстильной промышленности, якобы весьма аккуратно выполняющей свои наряды по снабжению потребительской системы Сев. Кавказа, вся остальная синдицированная промышленность постоянно нарушает сроки. Недогруз имеется по спичкам, по махорке и по целому ряду других товаров массового потребления.

В истекшем августе усилился станичный спрос на соль, спички, керосин — и во многих потребительских лавочках этих товаров совсем не хватало.

Колхозы уклоняются от хлебозаготовок.

На Кубани, пишет „Экон. Жизнь“ (3 сентября) колхозы в некоторых районах плетутся в хвосте хлебозаготовок и колхозники, обязанные быть в первых рядах хлебозаготовителей, уклоняются от выполнения долга.

Аналогичные сведения дает сев.-кавказский корреспондент той же газеты, пишущий в № от 4 сентября: „социалистический сектор сельского хозяйства края оказался наиболее неаккуратным в деле выполнения хлебозаготовительного плана. Так, напр., в то время, как единоличники сдали 75 проц. намеченного количества, совхозы сдали лишь 39 проц., а колхозы и того меньше — 28 проц. Подобная неаккуратность колхозов объясняется исключительной расхлябанностью низовых хлебозаготовительных ячеек.“

Уменьшение количества скота.

„Экон. Жизнь“ от 7 августа жалуется на то, что слабо обстоит дело с восстановлением животноводства на

Сев. Кавказе. За последний год количество скота даже уменьшилось. Общая численность скота в переводе на крупный в этом году против 1927/28 достигает по рабочему скоту 92,4 проц., а по пастбищному — 81,6 проц., иными словами, почти на 20 процентов меньше, чем год тому назад.

Эти цифры очень печальны, если учесть, что данные по 1927/28 г. дают по сравнению с довоенным 1913 г. (также в переводе на крупный скот) только 74,9 проц. довоенного количества. Общее падение количества скота в этом году снижает эту цифру по сравнению с 1913 г. до 64,6 проц.

Снижение скота в этом году не коснулось лошадей, количество которых постепенно, хотя чрезвычайно медленно, растет, достигая, однако, всего 51 проц. довоенного количества.

При таком падении числа лошадей нагрузка полевой работой на одну лошадь достигла 6,5 гектаров.

Контрольные цифры будущего года дают весьма скромные цифры, которые не дадут восполнения урона текущего года.

Мошеннические операции совкооператоров.

Монопольная кооперативная заготовка шерсти монополизировалась на Сев. Кавказе тем, что „овцеводы при нескольких заготовителях начинают задерживать сдачу шерсти“.

Монопольно господствуя на рынке некоторые сельхоз. товарищества по сообщению корреспондентов „Экон. Жизни“ (11 августа) по два года не отчитывались перед своими пайщиками, а ревизионные комиссии за целый год не удосужились проверкой деятельности своего правления. А проверять очень и очень следовало.

Во время приемки шерсти отдельные товарищества попросту надували овцеводов, принимая шерсть в оценке более низкой кондиции, чем на самом деле она стоила, при чем здорово оправдывались: нам надо покрывать убытки прошлого года и застраховать себя(!) в настоящем году — поговаривали советские кооператоры.

Советские вопли.

Подготовка к осеннему севу по Кубанскому округу, пишет Нейман в „Известиях“, 21 сентября, идет безобразно скверно. Массовые посевные работы начнутся в ближайшие дни, а вся сложившаяся на местах обстановка вопиет о разгильдяйстве, граничащем с прямым вредительством. Районные посевные тройки и станичные советы к работе по подготовке сева относятся наплевательски.

Зерноочистка проходит чрезвычайно слабо. Из 130.395 тонн зерна очищено к 10 сентября только 20.846 тонн, т.е. 15 проц.

В тон Нейману вопиет и Нюрин, Екатеринодарский корреспондент „Правды“ (15 сентября). По словам Нюрина секретарь сев.-кавказского краевого комитета партии заявил о том, что есть основания опасаться срыва осенней посевной кампании. Секретарь крайкома сообщил об этом, лично обследовавши ход хозяйственных кампаний на Кубани, при этом он указал, что положение может быть еще спасено дружной и напряженной работой всех соворганизаций.

Увы! Нюрин плачет о том, что дни проходят, но требуемого напряжения местные организации не проявляют. Угроза срыва стала более реальной.

Среди населения, как сообщает тот же Нюрин, распространено убеждение в том, что зерно собирается не для семенных фондов, а для продовольствия; большевики обманывают: говорят об обмене зерна, а на обмен ничего не дадут.

В чем лежит причина этих тревожных сообщений совкорреспондентов? Причина все та же: оккупационная советская власть заботится о том, чтобы побольше хлеба выжать из казачьих областей, а казачество принуждено сокращать сев.

Чистка соваппарата.

Северо-кавказский корреспондент „Известий“, 15 сентября, сообщает, что чистка, как и следовало ожидать, прошла в общем успешно — но почти никого не вычистили за бюрократизм. Бюрократ оказался таким скользким, что зацепить его по настоящему не удалось. При чистке были обнаружены курьезы в роде того, что санитарной частью Ростова ведал молодой агроном, а во главе плановой части отдела стоял межевой инженер, 27 лет тому назад окончивший межевой институт и после этого 25 лет работавший налоговым инспектором.

Что пишут оттуда.

...Ваше письмо от 30/VI получил. Конечно, было вскрыто цензурой в Харькове. Письму Вашему очень обрадовался, хотя уже две недели назад знал, что мое первое письмо из Ростова Вами получено. В. прислал письмо сестре, где передал и мне привет, сообщив, что ты, В., ему писал обо мне. Черт возьми, какая цепочка через всю Европу!

Теперь про обстановку. Сначала скажу, что, пользуясь оказией, посылаю Вам это письмо из Ростова. Так-то оно „лучше“. Добавлю, что всякая переписка с родными — дело, конечно, щекотливое. Изредка, два-три раза еще ничего, но часто... берут на заметку. Мне лично, на мое имя здесь получать нельзя. За мной непрерывная слежка, и все письма ко мне, конечно, негласно читаются. Это я знаю. Да и вообще всякое сообщение со мной не рекомендуется. От меня исходит чума. Я не могу, например, навещать, встречаться и иметь знакомых среди советских служащих. Для них это — пятно. Эту весну я закончил небольшой роман с учительницей. Власть узнали и немало пришлось ей выслушать намеков и упреков, что отдала свое сердце „бандиту“, а не им, когда некоторые из них его искали. У себя, в лавке Потребительского О-ва (а иных у нас теперь почти не водится) и при этом единственной на три соседних хутора (а товару-то в них во всех меньше, чем когда-то у нашего „купца“ А.), я не могу лично для себя абсолютно ничего купить даже папирос. Такими же удобствами жизни пользуются еще 10 дворов в хуторе, состоящих под так называемым „общественным бойкотом“. Это тяжелое лишение всех прав гражданства.

Кстати еще о наших лавках. В нашей станице сейчас три лавки. Из них в первой имеются признаки макуфактуры (сукно шерсть), но из легкой материи — нет аршина. Покупать можно 2-3 раза в году. Всегда на все и всюду очередь и норма. Красота!! Ни о цветах, ни о сортах уже тут не думай. Лопай, что дают. Зимой — кисея, а летом бумазая. По пословице, „зимой готов телегу, а летом сани“.

Если бы вас, свежих людей окунуть в наш „рай“, то на вас нашел бы столбняк от всех наших прелестей. В городе с зимы хлеб дают по карточкам — 1 фунт, только гражданам, а „лишенные“, кои весьма изрядно могут питаться манной. Ни хлеба, ни муки на рынке нет. Казак за торговлю мукой на базаре предается бойкоту. Предается суду, ссылается, а имущество конфискуется за то, что переработал свой хлеб и сбыл на базаре мукой.

Хлеб зерном, кроме нормы на людей и лошадей (птица, собаки, свиньи у нас теперь не едят!) подлежит сдаче государству, по ценам, которым оно само устанавливает. Всю зиму и весну у нас непрерывно сидят продовольственные агенты по сбору хлеба. Дошло до того, что собирают по чашке муки, по фунтам зерно, фасоль и если у кого будет обнаружен излишек зерна или муки (хотя бы 2-3 пуда) предадут суду: тюрьма и ссылка. Притом, такие чудеса! Выбирается группа более зажиточных в хуторе, и хуторская же власть им определяет (сколько Бог на душу положит) — подай сюда двести, туда триста-четыре пуда, а у них то весь урожай был меньше.

Если нет хлеба, значит, предполагается, что скрыл и конфискуется имущество на сумму в пятикратном размере из расчета цены хлеба. Так, у нас пока конфисковано имущество с домами у трех...

Такая же история творится всюду. Дань собирается, точно в татарскую эпоху. Даже сам Рыков у нас назвал это „азиатской политикой“.

Богатей у нас теперь нет охотников, ибо это сулит мало прелестей. Земли много пустует, скот не разводят, о свиньях и птице, где уже там думать, когда людям жрать нечего. Еще в апреле я знал в Ростове да даже и у нас, в станице, семьи служащих покупали печенье для супа ибо не было хлеба. В чем же секрет голода? А в том, что весь хлеб неизвестно куда девается, хотя нам говорят, что ни куда за границу не вывозится. И это ведь ужасно! — Своих морят голодом, делают нищими, а за границе продают.

При такой тяжелой налоговой системе народ не хочет работать, ибо от труда своего он ничего не получает. В наших местах от прежней запашки пустует 60%. Сеют по 3-5-6-8 десятин середняки и нет выше 20-25 дес. у кого большая семья, ибо нанять работника нельзя. Страна пришла в упадок. Сельское хозяйство печальное и дальше все хуже. Настроение выжидательное, ропот глухой, задуманный даже в тех местах, где были первые борцы за „свободу“. Казачество молчит, хохлы ворчат: „теперь ви, козаки сидеть, а ми почнемо“. Но, как это всегда бывает, „где тонко там и рвется“...

Режим ужасный, беспощадный. У людей не стало радостей, ни светлых надежд. Все угрюмы, печальны. Каждый бьется, а толку нет. Не знают ни праздников, ни старого родства, гостеприимства. Все жалось, забилось, в нору, а кругом и всюду „глаза и уши“. Опричников так много, что и в семье язык держать нужно на привязи...

И, может быть, теперь понятно станет Вам мое решение уйти отсюда навсегда, чтобы не видеть этого кошмара. Наше отечество Сахара, так хочется сказать. Пока домой не пишете. Шлю Вам горячий привет!

Р. С. Жизнь наша зашла в глухой тупик. Скитаюсь без работы и дальше все пути закрыты. Я имел крепкие нервы, твердое убеждение, упрямую волю, но теперь потерял все. А когда то была надежда, охота работать на благо родины, чтобы чувствовать себя и человеком и гражданином одной общей семьи — отечества. Но, мы — „отверженные“ и нас таких тысячи легионов... Я понимаю вашу тоску по родине. В свое время она и мне была знакома. Не вы первые стремитесь сюда ехать. За эти годы я видел многих „блудных“ сыновей, возвратившихся под кров отца, но... может быть лишь 1% не сожалел об этом...

14-VIII-29. Ростов н/Д.

На Терекe.

... Общие обстоятельства все ухудшаются и ухудшаются, частную торговлю задавили налогами, а государственную не умеют организовать. Да и товаров теперь очень мало, берут с боя всякую дрянь, на которую раньше и смотреть не хотели, лишь бы не остаться голыми; нитяные чулки, паршивые, до 6 руб. дошли; молодежь все воеет, хочется хоть сносно одеться, а жалование не позволяет. Жил в свое время и даже не подозревал, что в чемнибудь может быть недостаток, а теперь ничего нет: мануфактуры, кожи, хлеба, сахара, круп и т. п., даже такой дряни как конвертов

простых и бумаги какойнибудь не достать; три дня весь город облетывал пока в два приема десяток достал, да и то по дорогой цене. Купил вот жене летние туфли московского кожтреста за 6 руб. 50 к. полотняные, получше, а люди и за 5 р. 80 к. покупали и на два номера побольше, чтобы больной ноге свободнее было, а в результате натерла ногу так, от складки на подкладке и грубой работы, что к доктору пришлось обращаться и все так жалуются на московскую работу. И вообще все добываешь с такими трудностями и условностями что и писать нельзя — в каталагу бы попали.

Вообще тут „московская работа“. Неприятностей много на каждом шагу. Недавно чуть в тюрьму не уекли нас из-за такой мелкой подлости, чтобы воспользоваться нашей убогой квартирой, а когда подлость на суде выяснилась, то зачинщики остались совершенно безнаказанными и продолжают гадости на другом поприще.

Участь наша известная — бывший офицер, а ведь это же у нас теперь позор и преступление на веки веков. На Кавказ много северян понабежало, чувствуют себя здесь совсем, как крыловская свинья под дубом. Дети же наши даже вернуться не могут из Сибири разных и Туркестанов, хоть об отпуске мечтают, все равно придется опять возвращаться туда куда не хочешь — некуда деваться. Какое тут безысходное отчаяние — и вернулись бы на Родину, да не начто надеяться. А каково родительскому сердцу?

Воровство у нас развелось ужасное; на прошлой неделе у меня из корзинки на базаре хлебную книжку вытащили; пошел я похлопотать о выдаче другой, но напрасно; ответили, что: рабочие постановили новых не выдавать, а по моему лучше бы они пошевелили своими мозгами, что б ликвидировать такое безобразное воровство. Вот и буду без хлеба сидеть до 15 октября, когда будут что то новое с книжками делать. Да и хлеба то давали — полфунта на человека, полуседобного, но и то подспорье когда он по 60 коп. вилло (а и то подешевел); жаль, что сахара не достану, а его по той же книжке фунт в месяц давали; сахар исчез совершенно.

И дочку в станице в конец обобрали — перед Пасхой выкрали до трапья, а теперь что себе завела, с долгами, вынесли совсем из комнаты — вернулись они в воскресенье из гостей, а дома только голые стены. Вот и опять начинай сначала. Ведь это же просто ужас что творится в нашей голой, голодной стране! и так повсюду. Вот моя крестница поехала было в лесную горную станицу, на лето, на чистый воздух — лечить туберкулез нажитый, так и сбежала со страху, до того грабежу каждую ночь, а квартиры такой, чтобы жить с хозяевами не нашла.

Вот вам и гигантские шаги всяких наших „акций“ — это все бочки дедушки Крылова, а вот качества продукции да сплошное воровство — показатель „благоденствия“. Жизнь омерзела во всех отношениях. Вот теперь еще газетные крики насчет войны с Китаем, а это уж совсем смерти подобно, а в особенности для таких как я. Придется тут с голоду пухнуть и так всего недород, что будущее пугает даже без всяких осложнений. Теперь вот тиф появился и холеры шесть случаев было — вот то благообразие воздухов и избытие плодов земных в раю нашем.

Вся надежда только на Бога: хоть бы молодым помог биться, а нам уж, старью, которому и жизнь то приходится считать не годами, а неделями, ничего уже не надо.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.

От редакции. Редакция просит читателей „В. К.“ присылать ей фотографии, характеризующие жизнь казаков за границей, для помещения в отделе „Казачья эмиграция“. Фотографии должны быть четкие и ясные.

Библиография.

Доктор Хара-Даван. Чингис-Хан как полководец и его наследие. Издание автора.

Несмотря на то, что трудов о Чингис-Хане, о его личности, о грандиозном государстве некогда им созданном, об административных и иных талантах его уже существует не мало, книга Хара-Давана не является излишней, а ценным дополнением к ним.

Автор этой книги рассматривает Великого Монгольского императора главным образом как полководца и последствия его владычества для истории и жизни Русского государства.

Труд этот интересен и тем, что он написан сыном самого Монгольского народа, а потому он составлен с любовью и пафосом, но, будучи основанным на многочисленных и редких источниках, в которых автор

тщательно порылся, он ни в коем случае не может являться патриотической „клюквой“, а серьезным историческим трудом, достойным внимания знатоков и любителей востоковедения. А для калмыка-монгола эта книга должна быть настольной для знакомства с блестящим периодом его истории. Из нее он может черпать импульс в борьбе за достойную жизнь.

Книга изящно и со вкусом издана, иллюстрирована многочисленными снимками с редчайших исторических гравюр, от портрета Чингис Хана до его печати, написана живым литературным языком. Все это должно увеличивать интерес к ней.

Шалвур Ниминов.

Розыски.

Ксения Буряк розыскивает брата своего мужа, полковника Федора Буряка (ст. Гривенской), который, по слухам, находится в Югославии. Сообщать по адресу: Polsko, Chelm-Lubelski, ul. Kolejowa 77, Ksenia Burjakowa.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs. 13 Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжн. магазин F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Библиотека „Вольного Казачества—Вільного Козацтва“. Кн. 3.

Вышла из печати и поступила в продажу

Книга Стихов Юрия Гончарова.

Цена 10 к. ч. Обращаться в редакцию журнала „В. К.“

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4,5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и контора: Praha - Vinohrady, Orlická, 8. Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже: в Ч. С. Р. — 3 кр., в Польше — 0,75 зл., в Югославии — 5 дин., в Болгарии 10 лева, во Франции — 2 фр. 50 с. В других странах — 15 ам. ц.

И. С. Шубинский - 1929.

